

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2004

Содержание

1. РОССИЯ И ПОЛЬША НУЖДАЮТСЯ В ДИАЛОГЕ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ПАМЯТИ ДРУГА
4. К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА
5. 14 АВГУСТА 2004
6. ИЗ (НЕ СОВСЕМ) РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ
7. ИЗ КНИГИ «ХРОНИКИ»
8. ВСЕ, ЧТО Я ЧУТОЧКУ ЗНАЮ
9. ЕЖИ ФИЦОВСКИЙ
10. СТИХОТВОРЕНИЯ
11. РАЗГОВОР С...
12. ЕЖИ СОСНОВСКИЙ
13. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
14. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

РОССИЯ И ПОЛЬША НУЖДАЮТСЯ В ДИАЛОГЕ

С незапамятных времен Польша и Россия, наши страны и народы соседствуют друг с другом. Немного есть на свете обществ, которые познали друг друга столь близко — как с хорошей, так и с плохой стороны, в большом и малом, в прекрасном и страшном. Наши отношения бывали добрососедскими, но в некоторые периоды протекали под знаком противостояния и взаимного насилия. Все, что объединяет поляков и русских, проникнуто историей, с другой же стороны, это очень близкая, почти интимная связь. Недавно скончавшийся великий польский поэт, нобелевский лауреат Чеслав Милош много лет назад сделал в своем эссе «Родная Европа» интересное наблюдение: «Не исключено, что поляки знают о русских то, что русские знают о самих себе, не желая в этом признаться, и наоборот».

Есть к чему обращаться, есть что развивать. Сегодня перед нами стоит серьезная задача: в новых политических условиях нам предстоит возродить взаимный интерес, оживить контакты и сотрудничество. Польша и Россия говорят друг с другом как два суверенных субъекта: как равный с равным, как суверенный с суверенным.

Ключом к этой новой исторической ситуации стал демократический процесс. В Польше ему положили начало оппозиционные движения, боровшиеся за соблюдение прав человека и гражданских свобод, движение «Солидарность» и соглашения «круглого стола». В России произошли большие демократические перемены — благодаря им сегодня во главе российского государства стоит политик, получивший демократический мандат от избирателей.

Однако перемены в наших странах имели тот побочный эффект, что поляки и россияне потеряли друг друга из виду. Правда, этот этап уже позади. Польша стала членом НАТО и Европейского союза. Россия достигла стабилизации, избрала устойчивый политический и экономический курс, который символизируют фигуры Бориса Ельцина и Владимира Путина, и установила с Евросоюзом и НАТО тесные отношения. Демократическая, плюралистическая, стабильная и

развивающаяся Россия — это надежда всего демократического мира, в том числе и Польши.

Уверяю вас, что в Польше у такой России есть множество искренних и бескорыстных друзей. Мы сознаём, что польско-российское соседство и сотрудничество представляет собой фактор, определяющий будущее всего региона и приобретающий европейское значение.

Я уверен, что вступление Польши в Европейский союз может стать переломным моментом в деле оживления наших отношений. Вступая в ЕС, моя страна не отвернулась от России. Наоборот, мы видим наш шанс в установлении как можно лучших отношений с нашим крупнейшим восточным соседом. Мы очень рады, что Евросоюз и НАТО придают сотрудничеству с Россией особое значение. Европейское сообщество и Россия нуждаются друг в друге. В связи с этим развитие добрососедских отношений обретает новый смысл. Наши экономики во многом дополняют друг друга. Существуют широкие возможности для развития торгового обмена. Для России Польша — важный транзитный партнер. Нас Россия в значительной мере обеспечивает нефтью и газом. Чем больше будет между нами контактов, взаимного уважения и понимания, тем больше будет наш общий вклад в построение солидарного и стабильного континента.

Польша хочет принимать заметное участие в формировании восточной политики Евросоюза. В Европейском парламенте впервые созданы комиссии по делам отношений с нашими восточными соседями. Комиссии по делам Украины и Белоруссии возглавили польские парламентарии.

Оживление польско-российского диалога принесет пользу и нам, и всей Европе. Огромное значение имеет тот факт, что неотъемлемой частью европейского порядка стала независимость таких государств, как Украина, Молдавия, Белоруссия. Чаяния народов нашего региона стали реальностью. Поэтому сегодня, учитывая жизненные интересы наших суверенных партнеров, мы можем вести и многосторонний диалог.

Именно в таком взаимопонимании и сотрудничестве нуждается сегодня наш континент перед лицом новых угроз. Крупным поражением Европы стала многолетняя кровавая война на Балканах. Этой войне предшествовала спираль ненависти и демагогии, раскрученная политиками, популистскими и националистическими силами. Прежде чем люди начали гибнуть от пуль, они убивали друг друга словами.

Вместо диалога и политических средств они выбрали насилие. Сегодня, спустя несколько лет, можно задаться вопросом: кто выиграл эту войну? Ответ звучит просто: ее проиграли все. Пусть это послужит нам наукой.

Угрозой и зловещим кошмаром, нависшим над всем цивилизованным миром, стал также международный терроризм. Я прибыл в Россию вскоре после трагедии в Беслане. Для нас, поляков, это было огромное потрясение. Мы до глубины души возмущены жестокостью террористов, избравших своими жертвами невинных детей. Этому не может быть оправдания! Мы склоняем головы перед жертвами и выражаем соболезнования их близким.

С терроризмом, этим злом современного мира, мы справимся только тогда, когда будем тесно и солидарно сотрудничать друг с другом, отвергая терроризм независимо от его причин. В то же время необходимо помнить, что терроризму, который попирает человеческое достоинство и свободу, наши страны должны противопоставить решительную приверженность таким ценностям, как права человека, демократия и открытость. Это значит, что мы должны стремиться преодолевать проблемы, которые порождают и поддерживают терроризм.

По опыту XX века, в том числе и по польскому опыту, нам известно, что крупные политические, этнические и религиозные конфликты невозможно разрешить исключительно силовым путем. В Алжире и Индокитае, во Вьетнаме и Афганистане сила не оправдала себя — так же, как не оправдывает она себя сегодня на Ближнем Востоке, как не дает полностью удовлетворительных результатов в Ираке. Реальный путь к разрешению конфликтов — это диалог. Разумеется, не с убийцами невинных детей, но с теми, кто заявляет о готовности вести его.

Экономика, дающая осязаемые результаты, связывает два народа быстрее всего, однако для того, чтобы связь между ними была прочной, глубокой и приобретала духовное измерение, необходима культура.

В этой области у нас есть прекрасные традиции, символическим выражением которых стала дружба наших национальных поэтов — Мицкевича и Пушкина. В Польше не ослабевает интерес к российской литературе, музыке, кино, балету, философии. Достоевский, Чехов, Булгаков, Ахматова, Чайковский, Тарковский, Соловьев и Бердяев заняли прочное место в польских сердцах и умах. Пожалуй, ни в одной другой

стране (не считая России) не были так популярны Булат Окуджава и Владимир Высоцкий. Последние годы показывают, что этот интерес к русской культуре не исчезает.

Знаменательно, например, что польские драматурги все время предпринимают попытки постичь «русскую душу» — как в пьесах «Любовь в Крыму» Славомира Мрожека, «Четвертая сестра» Януша Гловацкого, «Семирамида» и «Булгаков» Мацея Войтышко. Поверьте мне, польскую творческую интеллигенцию, деятелей польской культуры Россия влечет и интригует.

Мы помним, что Россия тоже интересовалась польской культурой, художественным стилем, литературой, книгами, печатью — особенно во времена Советского Союза. Однако и сегодня имена польских деятелей искусства и мыслителей вызывают в России симпатию. Я имею в виду литературу Станислава Лема, фильмы и спектакли Анджея Вайды и Кшиштофа Занусси, актерскую игру Беаты Тышкевич, талант Марыли Родович. Все эти имена в России до сих пор знают и помнят.

Да будет мне позволено произнести здесь, в стенах университета им. Ломоносова, также имена тех, чей вклад в польско-российский диалог был поистине огромен, — это ныне покойные Анджей Дравич и Леон Бойко.

Мне хотелось бы упомянуть и человека, который ведет новаторскую работу, редактируя для российских читателей журнал «Новая Польша». Это профессор Ежи Помяновский. Я благодарен ему за его помощь, активность и советы.

На этой основе можно строить. Нам необходим диалог творческих и научных кругов, развитие контактов между молодежью двух стран. Это может стать нашим вкладом в новую Европу — открытую и нацеленную на сотрудничество. Мы хотим, чтобы силой этой Европы была и сфера культуры, обмен идеями, духовное взаимопроникновение. Мы хотим следовать призыву нашего великого соотечественника Папы Иоанна Павла II, который сказал: «Европа должна дышать обоими легкими». Европа должна черпать из духовного наследия как Востока, так и Запада.

Культура может стать для нас пространством диалога, в котором мы будем пытаться преодолевать стереотипы, все еще коренящиеся в польском и российском сознании. Для нас эти стереотипы — особый вызов, ибо они остаются тяжелым наследием нашей сложной истории. Мы считаем, что о горьком прошлом надо говорить открыто, преступления называть

преступлениями, а геноцид — геноцидом. Мне бы хотелось еще раз выразить огромную признательность российскому государству за то, что оно приняло трудное и мучительное решение раскрыть правду о расстреле польских офицеров в Катыни и Медном — об этом страшном сталинском преступлении, память о котором, как известно, занозой сидит в польском коллективном сознании. Мы хотим, чтобы была оглашена вся правда.

С другой стороны, нам известно, что это преступление было одним из многих зверств тех времен, что сталинский террор поглотил миллионы российских жертв. Поэтому стремление раскрыть и описать все преступления сталинского тоталитаризма должно нас объединять, а не разделять.

В то же время мы должны сделать все возможное, чтобы правда и память о погибших не стала орудием в современных спорах. Не наше поколение наносило эти кровавые раны, и не нам сегодня раздирать их, причиняя друг другу боль.

Наследие трагического прошлого — наше бремя. Наверняка мы не сразу справимся с этим вызовом. Надо смириться с тем, что многие исторические события поляки и россияне толкуют по-разному (часто это вопрос недостатка знаний). Однако явные исторические подлоги следует решительно опровергать. Строить взаимоотношения можно только на правде. Найти ее — задача историков, которые должны действовать сообща, совместными польско-российскими усилиями. Согласимся, однако, что различия во взглядах и даже споры — это нечто естественное. Мы не обязаны соглашаться во всем — от нас требуется лишь не коренеть в невежестве и стереотипах. Мы не можем не предпринимать попыток вступить в диалог и понять другую сторону. Нам следует говорить даже о самых трудных проблемах и искать пути к примирению. На трудную, нередко трагическую историю мы должны смотреть сквозь призму лучшего будущего, которое принадлежит молодому поколению поляков и россиян. Попытаемся же извлекать из истории прежде всего то, что нас объединяет.

Лекция, прочитанная 28 сентября 2004,

публикуется с сокращениями

(заголовок дан редакцией «Газеты выборчей»)

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Чеслав Белецкий, бывший сенатор, политзаключенный во времена ПНР: «То, что произошло в августе 80-го [забастовка на Гданьской судовой верфи и возникновение «Солидарности»!], напоминало прекрасный сон наяву. Это стало неожиданностью и для властей, и для общества (...) И так радостно и открыто все это было выкрикнуто и спето, что мы, люди из оппозиции, называли потом эти 16 месяцев свободы не иначе как карнавалом (...) Лидеры августовских забастовок редко представляли себе, как будет выглядеть нынешняя свобода, но они предчувствовали ее. Поэтому их дни, недели и месяцы дали шанс свободе, которой мы сегодня пользуемся и которую, увы, так часто и безнаказанно растрачиваем впустую». («Ньюсуик-Польша», 29 авг.)

• «Галопирующая инфляция, гигантские долги и призрак экономической катастрофы, а вдобавок ко всему практически нетронутый аппарат власти ПОРП — вот в каких условиях 15 лет назад Тадеуш Мазовецкий вступал в должность премьер-министра (...) Совершенная Лешекком Бальцеровичем рыночная революция направила Польшу на путь развития и включила ее в систему кровообращения мировой экономики. Внешняя политика, начало которой было тогда положено, позволила нам вступить в НАТО и Европейский союз. Создание подлинных органов местного самоуправления и децентрализация государства закрепили демократию на местном уровне...» (Ян Скужинский, «Жечпосполита», 25 авг.)

• «Больше всего поляки доверяют президенту Александру Квасневскому (65%) и братьям Леху и Ярославу Качинским (по 54%). Целых 52% поляков доверяют Брониславу Геремеку. Наименьшее доверие мы испытываем к Анджею Лепперу (50% недоверия) и Лешекку Бальцеровичу (46%)». («Жечпосполита», 26 авг.)

• Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, в сентябре «Гражданскую платформу» поддерживали 24% поляков, «Лигу польских семей» — 16, «Самооборону» и «Право и справедливость» — по 15, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 6, крестьянскую партию ПСЛ и «Польскую социал-демократию» — по 5%. («Жечпосполита», 8 сент.)

• Збигнев Семёнтковский, депутат от СДЛС, бывший начальник Управления охраны государства, а затем Агентства разведки в правительстве Леше-ка Миллера: «Главным грехом левых была не экономическая политика и не промахи кабинета Миллера, а взяточнические аферы с участием высших чиновников, совершавшиеся при попустительстве наших лидеров (...) К СДЛС накрепко приклеился ярлык «афералов», ранее закрепленный за гдань-скими либералами. Увы, Союз заслужил такую репутацию. Самые сокрушительные удары нанесла нам не оппозиция — они сыпались на нас из наших собственных рядов». (*«Газета wyborcza»*, 30 авг.)

• «Негосударственные вузы переходят в наступление. В этом году число мест на их дневных отделениях увеличилось более чем в два раза при незначительном сокращении приема на вечерние отделения. Обратный процесс наблюдается в государственных вузах, где возможности дневного обучения уменьшаются, зато растет число мест на заочных отделениях. За заочное обучение нужно платить. Государственные учебные заведения зарабатывают на нем». (*Богумил Люфт*, *«Жечпосполита»*, 9 авг.)

• «Его превосходительству господину Мареку Бельке. Уважаемый господин премьер-министр! Обращаюсь к Вам в связи с проектом резкого сокращения бюджетных средств на финансирование науки в 2005 году (...) За это заплатит прежде всего талантливая молодежь, которая лишится аспирантских стипендий. Петр Слонимский». Проф. Петр Слонимский — всемирно известный генетик, с 1947 г. живет во Франции. Член Французской Академии наук, создатель Центра молекулярной генетики Национального центра научных исследований в Гиф-сюр-Иветт под Парижем. Кавалер ордена Почетного легиона, удостоившийся также высшей научной награды — золотой медали НЦНИ. (*«Газета wyborcza»*, 7 сент.)

• Премьер-министр Марек Белька подтвердил обещание министра науки: в будущем году на науку будет выделено не меньше средств, чем в нынешнем. Ранее ученые сигнализировали, что науке грозит серьезный кризис: в проекте бюджета на будущий год расходы на науку были урезаны на целых 13%. (*«Жечпосполита»*, 8 сент.)

• Польские фирмы увеличивают объем инвестиций: в первом полугодии на них было предназначено 24 млрд. злотых — на 9% больше, чем в прошлом году. С начала года наблюдается явное улучшение экономической ситуации. Быстро растет объем продаж в промышленности и розничной торговле, увеличивается экспорт. Правда, темп роста во II и III кварталах

будет меньше, чем 6,9%, достигнутые в первые три месяца этого года, однако он и дальше будет выше 5%.
(«Жечпосполита», 24 авг.)

- В польских магазинах все чаще платят в евро. С мая этого года в евро может расплатиться любой покупатель. В некоторые дни в евро производится до 20% всех расчетов. («Ньюсуик-Польша», 29 авг.)

- В IV квартале 2003 г. средняя зарплата в пересчете на евро составила в Польше 493, в Чехии 583, а в Венгрии — 641 евро.
(«Жечпосполита», 7 сент.)

- В июле годовой показатель инфляции вырос почти до 5%. Это означает, что между апрелем и июлем темп роста цен увеличился на 2,4%. Согласно опросу ЦИОМа, на рост цен после вступления Польши в Евросоюз поляки отреагировали ограничением покупок: мяса и колбасных изделий (на 29%); сахара, кондитерских изделий и фруктовых консервов (20%); лекарств (13%); растительных жиров (10%); сигарет (9%).
(«Впрост», 29 авг.)

- «Польское мясо весьма ценится за границей. Наш главный козырь — традиционная технология производства».
(Пшемислав Пух, «Ньюсуик-Польша», 22 авг.)

- Неожиданно для экономистов Совет монетарной политики (СМП) повысил процентные ставки на 0,5 процентного пункта. На протяжении последних трех месяцев СМП повышал ставки трижды — в общей сложности на 1,25 процентного пункта. По словам президента Польского национального банка (ПНБ) Лешека Баль-церовича, тем самым Совет хочет предотвратить тенденцию к повышению инфляции (в августе инфляция составила 4,6–4,9%). («Жечпосполита», 26 авг.)

- В 2003 г. в Польше удалось добыть 500 тыс. тонн нефти, что в пересчете составляет 8,61 тыс. баррелей в день. В то же самое время в Румынии добывали в день 115,6 тысяч, а в Венгрии — 27,2 тыс. баррелей. В 2003 г. в Польше было 76 нефтяных месторождений, подтвержденные запасы которых составляли 12,6 млн. тонн. По мнению геологов, это сильно заниженная оценка. («Жечпосполита», 8 сент.)

- «Согласно расчетам председателя комитета ПАН "Человек и окружающая среда" проф. Стефана Козловского, только одна Польша ежегодно спускает в Балтийское море около миллиарда литров неочищенных сточных вод. Наша страна — источник почти четверти всех нечистот, загрязняющих Балтику.

Половину из них несут в море воды Вислы и Одры. Самая опасная грязь — почти не очищенные сточные воды — течет из Варшавы и Щецина. В Балтийском море появляется все больше "водных пустынь", где сероводород уничтожил все формы жизни». (Томаш Кишжак, «Впрост», 29 авг.)

- Из речи президента Александра Квасневского на открытии XIV Экономического форума в Кринице: «Последние 15 лет развития стран нашего региона — это история политического и экономического успеха. Нельзя забывать, что Польша и другие новые члены Евросоюза должны призывать расширенную Европу к политике открытых дверей по отношению к таким странам, как Болгария или Румыния». Александр Квасневский открыл форум вместе с президентом Литвы Валдасом Адамкусом. Их слушали более 800 представителей мира экономики, политики и СМИ. (Мацей Кузьмеж, «Газета wyborcza», 10 сент.)

- На экономическом форуме в Кринице говорят не только об экономике. Например, очень многочисленной оказалась делегация политиков из российских регионов. Есть и представители других стран СНГ, а также независимых республик, образовавшихся после распада СССР. Много гостей приехало с Украины. В этом году в форуме впервые участвуют представители арабских государств: Ирана, Ирака, Кувейта, Йемена, Египта, Марокко. В Кринице никто не рассчитывает на заключение контрактов, ибо эта встреча Востока с Западом имеет своей целью прежде всего установление взаимопонимания. (Анита Блацак и Данута Валеvская, «Жечпосполита», 10 сент.)

- В Варшаве прошла польско-французская конференция. После периода споров пришло время сотрудничать, чтобы вместе прийти к общему пониманию интеграции. Такую цель поставили перед собой министерства иностранных дел Польши и Франции, организовавшие конференцию в Бель-ведерском дворце. («Жечпосполита», 8 сент.)

- Начиная с 1 сентября 2003 г., когда Польша ввела визовый режим с Украиной, Россией и Белоруссией, был выдан уже миллион виз. Миллионную визу получила львовянка Ольга Сиротюк. Генеральное консульство во Львове выдало больше всего виз — почти 200 тысяч. («Жечпосполита», 11 авг.)

- В период с 2001 по 2003 г. объем польского экспорта в Калининградскую область увеличился почти в два раза, достигнув уровня 346,7 млн. долларов. После I квартала 2004 г. объем польского экспорта на Украину составил 368,5 млн. долларов, увеличившись на 33,3% по сравнению с тем же

периодом 2003 года. С другой стороны, в I квартале этого года импорт с Украины в Польшу составил 195,3 млн. долларов, т.е. увеличился на 23%. Польские инвестиции на Украине к концу 2003 г. превысили 150 млн. долларов. По сравнению с 2002 г. экспорт в Литву увеличился в прошлом году почти на 40% и составил 1,3266 млрд. долларов. («Жечпосполита», 9 сент.)

- По данным посольства Российской Федерации в Варшаве, в течение года столицу Польши посещает около 300 тыс. граждан России. 1300 человек сообщили посольству, что они проживают в Варшаве постоянно, — из них на учет встали около 500. По данным посольства Белоруссии, в прошлом году белорусско-польскую границу пересекло 3,2 млн. белорусских граждан. О постоянном проживании в Варшаве заявили 67 человек. «Жаль, что наши граждане не доверяют нам», — сказал консул Белоруссии в Варшаве Александр Бере-беня. («Газета wyborча», 11-12 сент.)

- В Ченстохову прибыло около 300 украинцев. Их расселили по польским семьям. Вчера они шли крестным ходом из ченстоховского кафедрального собора в базилику на Ясной Горе, а сегодня участвуют в богослужении в честь праздника Матери Божией Ясногорской (Ченстоховской). Это третье такое паломничество. Из Ченстоховы украинские паломники отправятся в Корчмин — деревню, которая после войны была разделена между Польшей и Украиной. На польской стороне осталась церковь, на украинской — святой источник. Украинская группа примет участие в повторном освящении церкви. На время освящения впервые после войны будут сняты разделяющие деревню заграждения из колючей проволоки. (Дорота Штейнхаген, «Газета wyborча», 26 авг.)

- Из открытого письма представителей 26 неправительственных организаций, подписанного также Владиславом Бартошевским, Брониславом Геремеком, Тадеушем Мазовецким и Адамом Михником: «Мы призываем президента, председателя совета министров, министра иностранных дел и Сейм Польской Республики создать фонд, благодаря которому польские [наблюдатели] смогли бы следить за ходом выборов на Украине». («Жечпосполита», 11-12 сент.)

- 10,305 млн. злотых получили неправительственные организации от поляков, которые воспользовались правом передать им 1% своих налогов. («Жечпосполита», 8 июня)

- На протяжении двух последних лет от инвестиций в Белоруссии отказались 300 польских инвесторов. («Жечпосполита», 10 авг.)

- Из постановления Сейма, принятого большинством в 197 голосов против 99 при 51 воздержавшемся: «Сейм Польской Республики с беспокойством наблюдает за последними событиями в Белоруссии, которые свидетельствуют о нарушении прав человека и ограничении гражданских свобод». (*«Жечпосполита»*, 11–12 сент.)

- 40 тыс. паломников прибыло на святую гору Грабарку в православный праздник Преображения Господня (19 августа). 7 тысяч из них пришли туда пешком в 15 группах. Литургию совершил глава Польской Автокефальной Православной Церкви архиепископ Сав-ва. Епископы призвали оказать финансовую помощь монастырю на Грабарке, долги которого достигли 100 тыс. злотых. (*«Тыгодник повсехный»*, 29 авг.)

- Российские ветеринарные службы задержали в Москве пять польских рефрижераторов с молоко-продуктами фирмы «Данон». Вчера были задержаны еще четыре рефрижератора, полные сыров и йогуртов «Данон». Стоимость груза — около 1,5 млн. злотых. Только после вмешательства трех польских министерств российские власти согласились провести таможенный досмотр грузовиков. Однако решение касается только этого транспорта — следующие могут быть снова задержаны. (*«Газета wyborча»*, 7 сент.)

- «Вне зависимости от углубляющегося кавказского кризиса поляки не доверяют России, а особенно ее политике по отношению к Польше. Начиная с 1994 г. люди, участвующие в опросах ЦИОМа, неизменно приписывают России стремление к гегемонии (...) Сейчас почти половина опрошенных (48%) считает, что в ближайшем будущем Россия будет стремиться восстановить свое влияние в нашей части Европы. Четверть (26%) придерживается противоположного мнения (...) 40% поляков считают, что Россия идет в сторону диктатуры; по мнению 25%, она склоняется к демократии». (*«Политика»*, 11 сент.)

- После трагедии в Беслане. «Это могли быть наши дети», — повторяли варшавяне, которые вчера весь вечер приносили цветы к российскому посольству и зажигали перед ним свечи. Приходили люди разного возраста, с детьми и внуками. Их привела туда трагедия невинных жертв. (*«Газета wyborча»*, 4–5 сент.)

- Между свечами кто-то положил бумажку с криво, как будто детской рукой, выведенной надписью: «Террор над детьми запрещен». Кто-то другой написал по-английски, что

сочувствует жертвам терроризма и всем, кто ежедневно гибнет в Чечне от рук российских солдат. (*«Газета выборча»*, 6 сент.)

- Вчера все уроки в польских школах начались с минуты молчания. В одно и то же время замолкли все польские радиостанции. Перед воротами российского посольства еще с пятницы горят сотни свечей, лежат цветы: хризантемы, гладиолусы, вереск. Цветы к ограде посольства принесли супруга президента Польши Иоланта Квасневская и супруга президента Армении. «Польская гуманитарная акция» и «Каритас» готовят помощь для переживших трагедию в Беслане. (*«Жечпосполита»*, 7 сент.)

- Пресс-секретарь МИДа Богуслав Маевский: «Общественный отклик превзошел все наши ожидания. Нам звонят частные лица и фирмы, предлагают конкретную помощь. Пока мы собираем все предложения и договариваемся с российской стороной, как ими воспользоваться». (*«Газета выборча»*, 9 сент.)

- Янина Охойская, основательница «Польской гуманитарной акции» — организации, которая уже много лет помогает жителям Чечни: «В Чечне действуют группы фундаменталистов, которые в борьбе за власть не гнушаются никакими средствами. Но большинство жителей — это такие же люди, как мы (...) Все известные мне чеченцы так же, как и мы, осуждают теракты (...) У большинства чеченцев два врага: российские оккупанты и фундаменталисты (...) Теперь чеченский народ оказался между молотом и наковальней (...) я призывала людей не ставить знак равенства между чеченцами и террористами». (*«Жечпосполита»*, 4–5 сент.)

- «Газета "Известия" критикует польские СМИ за статьи о Беслане. В качестве доказательства автор комментария Евгений Шестаков ссылается на то, что на нашем [«Газеты выборчей»] читательском форуме "страница, посвященная Беслану, называется «Солидарность с Чечней»". Шестаков лжет и знает об этом. Газетная рубрика о трагедии в Беслане называется "Нападение на школу в Северной Осетии". На нашем открытом читательском форуме нет страниц. Там есть дискуссионные темы, которые читатели предлагают нам и друг другу. Ни одна из этих тем не называется "Солидарность с Чечней"». (Вацлав Радзивиллович, *«Газета выборча»*, 8 сент.)

- «Польские СМИ, информировавшие о ситуации в Беслане, показали себя с лучшей стороны. В большинстве случаев нам удавалось сохранять критическую непредвзятость и задавать уместные вопросы (...) Что касается российской политики, то

поляки обладают уникальным историческим опытом, который позволяет нам видеть опасности раньше и яснее других».
(Агнешка Рамашевская-Гузы, «Жечпосполита», 11-12 сент.)

- Группа подонков совершила нападение на чеченский центр беженцев в Мошне близ Прушкова под Варшавой. Кто-то бросил в здание центра бутылку с керосином. Пожар потушили сами чеченцы. Ежегодно в Польшу приезжает около 5 тыс. чеченцев, которых война выгнала с родины. В Польше существует 12 центров беженцев. Один из них находится в Мошне. («Газета wyborча», 23 авг.)

- «Польская гуманитарная акция» Янины Охойской устанавливает фильтры на водозаборах Грозного. Начиная с 2000 г. ПГА установила четыре фильтра, а вскоре введет в действие очередной. «Благодаря поддержке ЮНИСЕФа мы ежедневно развозим 550 тыс. литров воды в 180 точек — в больницы, школы и туда, где живут люди», — говорит Охойская. Кроме того совместно с Бюро по гуманитарной помощи Европейской комиссии ПГА осуществляет санитарную программу, благодаря которой в Грозном, Гудермесе, Шали, Старых Атагах и Ачхой-Мартане при больницах и школах построено уже 157 туалетов, а территории этих объектов очищаются от мусора. Запущено также 17 больничных установок для сжигания медицинских отходов. «Чеченцам стоит помогать, так как они не сидят сложа руки: учительницы сами выгребают из руин кирпичи, чтобы отремонтировать еще одно школьное помещение», — говорит Охойская.
(«Жечпосполита», 9 авг.)

- В Ираке погибли старший рядовой Гжегож Русинек и рядовой Сильвестр Кутшик. До сих пор там погибло десять польских военнослужащих. Потери международной дивизии под польским командованием составляют 32 человека.
(«Жечпосполита», 20 авг.)

- В субботу под Хиллой погиб польский санитар — старший рядовой Кристиан Анджейчак. Среди шести раненых — врач и второй санитар. («Газета wyborча», 23 авг.)

- Государства, пославшие своих солдат в Ирак в составе международной дивизии под польским командованием, не изменяют численности своих контингентов. Об этом заявил заместитель начальника Генерального штаба генерал Мечислав Тенюх, председательствовавший на двухдневной конференции, в которой участвовали представители всех 15 государств. («Газета wyborча», 4-5 сент.)

щ «Армения пошлет своих солдат в польскую зону в Ираке», — заявил президент Армении Роберт Кочарян во время визита в Польшу. В присутствии президентов Польши и Армении министры обороны Ежи Шмайдинский и Серж Саркисян подписали договор о военном сотрудничестве. («Газета выборча», 7 сент.)

- В Багдаде террористы напали на польское посольство. В результате теракта здание получило повреждения. («Жечпосполита», 26 авг.)

- Самолет, вторгшийся в польское воздушное пространство, можно сбить, если государственный орган, отвечающий за воздушное движение, придет к выводу, что он используется террористами или нарушает закон, угрожая безопасности. Это касается даже гражданских самолетов с пассажирами на борту и летательных аппаратов, имеющих право находиться в воздушном пространстве Польши. Таковы предписания дополненного закона об охране государственной границы, вступившего в силу 19 августа этого года. («Жечпосполита», 19 авг.)

- Леопольд Унгер: «Заложниками в Ираке стали не журналисты [Кристиан Шено и Жорж Мальбрюно], но все мы. Речь идет не о войне с Ираком, но — что бы ни думали об этом профессионально осторожные политики — о войне цивилизаций». («Газета выборча», 31 авг.)

- В этом году главные траурные торжества по случаю 65-й годовщины начала II Мировой войны прошли в Велюни. Президент Александр Квасневский открыл мемориальную доску жертвам налета Люфтваффе. 1 сентября 1939 г. в 4.40 утра Велюнь стала целью первой немецкой бомбардировки. 380 бомб общей массой 46 тонн полностью разрушили город. Погибло не меньше 1200 человек. («Жечпосполита», 2 сент.)

- В Нешаве открылась мемориальная доска в память о немецких жителях этого города, убитых в 1945 году. В ночь с 7 на 8 апреля сотрудники милиции и госбезопасности бросили интернированных немцев — главным образом стариков, женщин и детей — в ледяные воды Вислы. «После стольких лет [молчания] нужно наконец сказать: простите. [Немцам] было причинено огромное зло», — сказал бургомистр Нешавы Анджей Навроцкий. («Жечпосполита», 30 авг.)

- Во дворце президента Литвы была подписана декларация примирения между бывшими бойцами Армии Крайовой и солдатами литовской «Местной сборной» («Vietine Rinktine »),

сражавшимися друг против друга в годы II Мировой войны. Это стало возможным только после регистрации Клуба ветеранов АК в Литве, которую литовские власти оттягивали целых 14 лет. Декларация была подписана в присутствии президента Литвы Валдаса Адамкуса, премьер-министра Альгирдаса Бразаускаса, представителя президента Польши Анджея Майковского, послов Польши и Германии, а также польских и литовских историков и общественных деятелей. (Роберт Мицкевич, «Жечпосполита», 3 сент.)

• 60 лет тому назад, 29 августа 1944 г., в Освенцим отправился последний эшелон с лодзинскими евреями. В довоенной Лодзи, насчитывавшей 650 тыс. жителей, жило 250 тыс. евреев. На траурные торжества должны были приехать 405 бывших узников лодзинского гетто, включая членов семей, но в результате их прибыло в три раза больше. Всего в Лодзь приехало 5,5 тыс. гостей. Среди них были, в частности, премьер-министр Марек Белька, бывшие премьеры Ежи Бузек и Лешек Миллер, бывший президент Польши в изгнании Рышард Качоровский, а также послы Чехии, Германии и Австрии, маршал Сената Лонгин Пастусяк, мэр Тель-Авива Рон Хульдаи, президент Лодзи Ежи Кропивницкий и представители еврейских общин. В Лодзи находится крупнейший в Европе еврейский некрополь. На основанном в 1892 г. кладбище сохранилось 180 тыс. надгробий. («Газета wyborча» и «Жечпосполита», 30 авг.)

• Специальный комитет иерусалимского Института национальной памяти «Яд-Вашем» посмертно присудил медали и дипломы «Праведный среди народов мира» полутора десяткам поляков. Награды вручил их семьям посол Израиля в Польше Давид Пелег. Поляки — самая многочисленная группа среди «Праведных»: их около 6 тысяч. «Это истинное свидетельство польского мужества», — сказал израильский посол. («Жечпосполита», 10 сент.)

• 4 сентября свое 80-летие отпраздновал Ежи Фицовский — поэт, в чьем творчестве доминируют две темы — цыганская и еврейская. Фицовский был бойцом Армии Крайовой, участником Варшавского восстания, узником немецких концлагерей, а в 70–80-е гг. членом Комитета защиты рабочих (КОР) и деятелем демократической оппозиции. Сам поэт говорит: «Мое поколение перестреляли смолоду». («Жечпосполита», 4–5 сент.)

• Проф. Ежи Помяновский: «Я усматриваю некую связь между Катынью и [Варшавским] восстанием. [В обоих случаях] речь шла не об истреблении населения или уменьшении

численности поляков, но об уничтожении динамичного, образованного слоя, способного к самостоятельному мышлению (...) Этот план ползучего геноцида был одинаков по обе стороны тогдашней линии фронта. Правда, план этот был глобальный, его не придумали исключительно ради поляков и испытали на русских со всем сталинским размахом. Пусть в таком случае [российские юристы] не препятствуют нам в окончательном расследовании катынского дела — ведь это в их собственных интересах...» («Впрост», 15 авг.)

• Томаш Наленч, бывший вице-маршал Сейма: «Трудно понять, почему российские власти столь упорно защищают такого безжалостного убийцу, как Сталин. Ведь тем самым они берут на свою совесть его преступления. В первую очередь такая позиция вредит самой России. До сих пор только худшие враги ставили знак равенства между бесчисленными сталинскими преступлениями и российским государством. Это бессмысленно — ведь самым тяжким испытанием жестокий грузин подверг русских. Однако если российские власти не желают сказать правду, то тем самым они отводят себе роль наследников преступлений. Невозможно смотреть в будущее без честного сведения счетов с прошлым — особенно отмеченным такими преступлениями, как пакт Риббентропа—Молотова, катынское убийство, преследование солдат Армии Крайовой (...) или фактическое согласие на уничтожение Варшавы Гитлером. Своим отношением к сталинскому прошлому Россия загоняет себя в тупик». («Впрост», 29 авг.)

• Пакт Риббентропа—Молотова был подписан по вине поляков —таков смысл российской программы «Тайны века», показанной на канале ПБК, транслирующем передачи ОРТ в страны Балтии. «Спустя 13 лет после распада Советского Союза головы россиян, управляющих массовым сознанием с трибуны общественного телевидения, все еще полны великодержавного, имперского, красно-коричневого месива. При Ельцине такого не было». (Мацей Стасинский, «Газета wyborча», 2 сент.)

• «Генеральная прокуратура Украины не занимается поиском материалов, связанных с катынским делом, так как российская сторона ни о чем подобном нас не просила», — сказал начальник пресс-службы Генеральной прокуратуры Украины Сергей Руденко. Ранее представители российской прокуратуры заявили, что следствие по делу о катынском преступлении затягивается ввиду отсутствия документов с Украины. («Газета wyborча», 10 авг.)

• «Военные прокуроры, которые в середине 90-х начинали вести следствие по делу о катынских расстрелах, проводили

экспертации вместе с польскими специалистами, сдружились с ними и принимали это дело близко к сердцу, руководствуясь своей совестью и принципами законности, не сделали карьеры. Они стали чужими среди своих. В России все еще нет атмосферы, способствующей историческому испытанию совести». (Витольд Лясковский, *«Впрост»*, 15 авг.)

- В Москве побывала с визитом делегация польского Института национальной памяти (ИНП) во главе с его директором проф. Леоном Кересом. Россия не признаёт катынское преступление геноцидом, поэтому никому не будет предъявлено обвинение в его совершении, однако польская сторона получит доступ к документам следствия. (*«Тыгодник повшехный»*, 15 авг.)

- «Виновники катынского преступления уже давно осуждены, приговорены и казнены — еще во времена СССР (...) Первый процесс состоялся в Мариуполе на Азовском море. Было вынесено четыре смертных приговора. Все они были приведены в исполнение. В Смоленске за катынскую резню к смерти приговорили семерых немецких офицеров (...) В 1945 г. — тоже в Смоленске — за соучастие в катынском преступлении к смертной казни были приговорены 85 немецких офицеров, в т.ч. 18 генералов. Казнь была публичной (...) Съёмки казни нашел в московском архиве берлинский историк Бенгт фон цур Мюлен. Я видел эти съёмки (...) Ни один из этих приговоров — а я перечислил далеко не все — не был пересмотрен. А это значит, что с сегодняшней точки зрения они были и остаются справедливыми». (Мацей Рыбинский, *«Жечпосполита»*, 10 авг.)

- «А ведь все начиналось совсем по-другому. Десять лет тому назад Ельцин (...) и глава президентской администрации Сергей Филатов открыто говорили о преступлениях режима, в т.ч. в отношении поляков. Российская прокуратура начала собирать материалы, было создано три мемориальных кладбища поляков, расстрелянных весной 1940 года. Казалось бы, государство начало сводить счеты с мрачным советским прошлым. Сегодня, при Путине, от этого не осталось и следа. Не сведя счеты с самой собой, Москва пытается спрашивать с других». (Эрнест Скальский, *«Газета wyborча»*, 26 авг.)

- Конинский районный суд признал четырех бывших сотрудников госбезопасности виновными в том, что в 1981–1985 гг. они подвергали физическим и психическим пыткам активистов «Солидарности». Суд приговорил их к 2,5 годам лишения свободы. (*«Жечпосполита»*, 4–5 сент.) Щ Эльблонгская полиция подвергла взысканию свыше ста человек за употребление нецензурных слов в общественных местах. Лица, употребляющие подобные слова, могут быть наказаны

ограничением свободы, штрафом до 1500 злотых или выговором. («Жечпосполита», 30 авг.)

• «Транспаранты, лозунги, бело-красные флаги, свечи — так жители маленькой деревушки Ка-мица близ Колобжега выражают свой протест против вырубки нескольких десятков старых деревьев, растущих в самом сердце деревни. Они даже несут дежурства возле деревьев — днем и ночью, целыми семьями (...) «Камица, а стало быть, и наш двор, находится на высоте 300 метров над уровнем моря. Эти деревья защищают деревню от ветра. Им по меньшей мере 103 года», — говорит один из жителей». («Жечпосполита», 19 авг.)

ПАМЯТИ ДРУГА

12 сентября скончался Марек Карп, в 1990 г. создавший варшавский Центр восточных исследований — лучшее в Польше, если не во всей Европе, учреждение, занимающееся анализом политического, социального и экономического положения в Восточной Европе.

Умер друг. Умер в тот момент, когда как будто все обещало, что после тяжелой автомобильной аварии дело идет к лучшему, когда мы уже вздыхали с облегчением.

Он был воистину необычайным человеком. Историк по образованию, влюбленный в Литву и Белоруссию — да и в любой городок, любую усадьбу Подлесья или Мазовии. Государственные границы никогда по сути дела не были для него чем-то важным.

Он любил Восточную Европу и понимал ее, как мало кто. Поэтому в момент перелома 1989-1990 гг. его знания в этой области стали неоценимы. Когда рухнула коммунистическая ПНР, внезапно оказалось, что вопреки всей пропаганде периода до 89 го на самом-то деле мы не знаем — мы, поляки, мы, тогда принявшие ответственность за Польшу и ее новое место в Европе, — почти ничего о странах, людях и процессах, идущих за нашей восточной границей. Не знали этого и наши новые западные союзники (их дипломаты за пределы Москвы практически не выезжали).

Новая польская восточная политика должна была опираться на добросовестные посылки и проверенные факты. Но их-то и нехватало. Марек Карп первым забил тревогу, собрал вокруг себя группу молодежи и с характерной для него решимостью объяснял нам, тогда министрам в первом некоммунистическом правительстве, что затягивать ожидание нельзя, — и в конце концов добился создания Центра восточных исследований, правительственного учреждения (при министерстве экономического сотрудничества с заграницей, затем при министерстве экономики), занимающегося анализом всего, что происходит за Бугом, на основе всех возможных источников, доступных открыто и гласно.

Затем почти полтора десятка лет Марек был директором ЦВЭ, которым гордились все сменявшие друг друга правительства независимо от своей политической окраски. Марек Карп создал учреждение, заработавшее международный авторитет (сайт в Интернете: www.osw.waw.pl), первый полностью современный «банк данных» о Восточной Европе, располагающий коллективом из нескольких десятков аналитиков. Точный инструмент, необходимый польской политике и экономике. Не вина Марека, что из этого источника, может быть, недостаточно черпали: политики обычно всё сами лучше знают... К счастью, Марек был не только предан своему детищу, но и упрям, и его упрямству Польша многим обязана.

Был он и верным другом — нам будет его нехватать.

К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА

— Вы эмигрировали в 1969 году. Возвращались вы уже в другую Польшу. Каковы были мотивы вашего решения вернуться?

— Кроме тех, что нуждаются в высоких словах, мотивом была своего рода скука. Прожив двадцать с лишним лет в эмиграции и достигнув в 1992-м, в Пизанском университете, пенсионного возраста, я внезапно осознал, что в Польше происходит — как бы это сказать? — нечто, к чему стоит приложить усилия, чтобы оно стало необратимым. Пожалуй, я стал одержим идеей нехватки времени, страхом, что не успею. Ежи Гедройц доказал, что старость — не причина бездеятельности, а следствие ее. Тогда я погрузил в автофургон с прицепом (вместе они были длиной метров в 18) книги, набитые в ящики из-под бананов, два шкафа и две кровати, сел за руль старой «Мазерати», рядом — жена, за спиной — стиральная машина, и поехал в Польшу. И до сих пор об этом не жалею.

— Можно ли уже сказать, что мы лучше знаем Россию? Вы выдвигали это требование со времени возвращения из-за границы, с начала 90-х; взаимному познанию поляков и русских вы служили своей публицистикой, очередной сборник которой только что вышел, — служите этому и как главный редактор журнала «Новая Польша», существующего уже пять лет. Каков, по вашему мнению, уровень знаний о России в Польше и о Польше в России?

— Мы обязаны знать Россию лучше, чем другие. Учитывая, что с 1717 г., с Немого сейма, и по вчерашний день через Польшу без серьезных препятствий с нашей стороны прошли и проехали миллионы русских, главным образом в военной форме, и учитывая, что мы сталкивались с Россией больше, чем другие народы Европы, наши знания о России и русских обширны, но поверхностны, ибо мы смотрели на них с неоправданным, легкомысленным высокомерием. Для польской интеллигенции Россия долго была вопросом, в котором она предпочитала не разбираться: он был связан с нестерпимым ощущением гнета. Тот, кто мог, отворачивался от России, ибо она была оккупантом большей части польских земель и представляла постоянную угрозу национальному бытию. Бжозовскому пришлось чуть ли не криком кричать, напоминая, что потому — для Польши и важнее всего русский вопрос, вопрос нашего нелегкого, но неизбежного соседства. А знание наших дел у русских было подпорчено нечистой совестью: они чувствовали,

что отношения с поляками отравлены насилием одной стороны и двуличием — другой.

Генерал Лебедь, о гибели которого не я один сожалею, патриот, ну пусть даже националист, одновременно был демонстративным антиимпериалистом; он уже знал, что продвигаться по карте, расталкивая локтями, — в наш век анахронизм; однажды он написал, что «польский вопрос [на протяжении всего XIX и половины XX века] был самым страшным русским кошмаром», — и был прав. Для российских политиков угроза польских восстаний и бунтов была причиной постоянной напряженности и источником пресловутого «ложного сознания». Им приходилось это внутренне уравнивать (как это, например, произошло с Достоевским) обвинениями против поляков, чтобы оправдать несомненный ущерб, нанесенный польскому народу во имя государственных имперских соображений. Сегодня тот же мотив повторяется в претензиях многих русских, искренне убежденных, что заключение Польши в соцлагерь было для нас благодеянием, за которое мы платим им неблагодарностью. Невежество — наш общий враг.

— В «Русском месяце с гаком», книге, вышедшей в 1996 г., вы убеждали в необходимости польско-русского и польско-российского диалога, активной восточной политики Польши. В новой книге вы посвящаете много места вопросу, поставленному в ее подзаголовке: как быть с Россией? Как вы считаете, придерживается ли польская политика по отношению к России какого-то главного направления?

— Многие считают, что никакой особой восточной политики Польше проводить не надо, что в восточной политике достаточно действовать так же, как в западной, соблюдая принципы создателя международного права Гроция... Но тут нужно видеть еще, во-первых, к какой цели ты сам стремишься и, во-вторых, не предпочитает ли твой партнер право сильного — посильнее законов Гроция. За отсутствием сведений ты обращаешься к истории, но она подсказывает обеим сторонам пагубные аргументы. Иногда все-таки следует признать, что история — *magistra vitae*, хотя учит она только одному — как избежать ее повторения.

В «Русском месяце» я напоминал, что два жернова, которые перемалывали Польшу — и несколько раз смололи ее в чужую муку, — после II Мировой войны перестали нам угрожать. Один из них вынужденно перестал вращаться против Польши. Другой же распался на несколько самостоятельных осколков во главе с Украиной. Элементарная задача польского

правительства — изо всех сил стараться, чтобы наша страна никогда больше не оказалась между таких жерновов, чтобы ее геополитическое положение не вернулось к состоянию quo ante. Как этого не допустить?

Я утверждаю, что концепция, выработанная парижской «Культурой», — это и есть то «главное направление», о котором вы спрашиваете. Она была и остается под рукой, хотя и не вошла в программу ни одной партии, ни одной силы, имеющей исполнительную власть и экономические инструменты. Это сказочки, что все учились у Гедройца. Кто воспринял его всерьез кроме Квасневского, Бартошевского, Геремека? Первый принцип концепции Гедройца, сформулированный Юлиушем Меровским, таков: наши важнейшие союзники — литовцы, белорусы и в первую очередь украинцы. Борьба за господство над ними стала причиной кровавого противостояния, выигранного в конечном счете царской Россией. Одна лишь память об этом тяготеет над взаимоотношениями всех участников былой борьбы. Ликвидировать источник конфликтов можно лишь при обретении этими народами независимости от обоих соседей. Эта простая мысль, на мой взгляд, остается основой восточной политики Польши и самым простым рецептом на обеспечение мира в нашей части Европы. В книге я стараюсь доказать, что ее усвоение пойдет на пользу самой России.

— Польша сегодня не в таком политическом положении, как была тогда, когда вы по горячим следам писали свои тексты. Она уже несколько лет член НАТО, несколько месяцев — член Евросоюза. Мы приобрели влияние на формирование европейской политики по отношению к России. Как вы считаете, есть ли на Западе концепция отношений с Россией? Что сделало и что должно сделать польское правительство на международном форуме, чтобы защищать наши государственные интересы и в то же время не возбуждать в России опасений, что ее сталкивают на обочину?

— НАТО — это «скорая помощь», к которой можно прибегать лишь в крайнем случае. А Евросоюз — организация повседневного употребления, которая должна давать своим членам чувство локтя. Положение Польши станет теперь важным критерием солидарности государств-членов ЕС. Более того — тестом, показывающим, насколько в Брюсселе понимают, что по отношению к России нужна общая политика. До сих пор я не вижу новой концепции сосуществования — кроме реликтов «холодной войны», ныне выворачиваемых наизнанку, словно за Бугом по-прежнему находится СССР.

Кстати, известный российский политолог Станислав Белковский открыто говорит, что Россия всегда была империей и должна такой оставаться, а империя не выживет, если не будет расширяться, но сочтем это запоздалым отголоском рева политических динозавров из «Парка юрского периода».

Стремясь сделать новые выводы из концепции «Культуры», в своей книге я подчеркиваю необходимость вовлекать Россию в международные структуры, которые требуют от своих равноправных участников мирного разрешения конфликтов на основе протокола о расхождении, а не путем «горячих» или «холодных» войн. Если Россию наконец примут во Всемирную торговую организацию, она будет подчиняться в торговле тем же правилам, что и другие. Одновременно исчезнет предлог жаловаться, что ее сталкивают на обочину.

Как вы видите из этих моих «если», все теперь зависит от солидарности членов Евросоюза. Другой надежды я не вижу.

Ее не дает ни утопическая концепция польской автаркии, ни возвращение в нечто подобное СЭВу. Таким образом, первая забота любого польского правительства — требовать от Евросоюза проведения общей восточной политики, исключаящей чью бы то ни было гегемонию. Так, как это происходит в честной торговле.

— В области энергетики интересы государств Европы не совпадают. Есть два противоположных вида интересов. Статистика показывает, что государства Восточной Европы от 80 до 100% своих потребностей в энергии удовлетворяют за счет поставок из России и других возможностей не имеют. На Западе же российское сырье составляет около 20% предложения, и там оно просто необходимо, чтобы не впасть в зависимость от арабских поставок. Можем ли мы при таком расхождении реально мыслить о созидании общих европейских интересов? Мы же видим, что национальные интересы старых и новых членов ЕС так резко расходятся.

— Не думаю, чтобы эти расхождения были вечными и не могли быть сглажены путем переговоров. Миру и особенно Европе — включая Россию! — сегодня угрожает коалиция нигилистического интернационала с исламским фундаментализмом. Обе эти силы на Западе представлены, с одной стороны, полезными дураками (как называл их Ленин), т.е. антиглобалистами и мюнхенцами с любой географической широты, добродушными пацифистами и отнюдь не добродушными антиамериканцами, а с другой — типами, живущими на нефтедоллары и стремящимися к господству

под знаменем ислама. Это знамя, которым злоупотребляют, избрано для удобства — как когда-то крест, под которым разбойники грабили Константинополь по пути в крестовый поход. Эти интересы и их связь с наступлением террористов против Запада видны невооруженным глазом. Поэтому желание уменьшить зависимость от арабских стран путем поставок российской нефти и газа понятно. В конце концов, у Евросоюза есть строгие правила, согласно которым стратегическое сырье от одного поставщика не может превосходить 33%. Но этого слишком мало, чтобы уберечь ЕС (и нас) от замены монополии ОПЕКа монополией «Газпрома».

Настоящая проблема состоит не в том, что поставок топлива из России Запад ждет, как манны небесной, и что Россия на этом зарабатывает. Пусть зарабатывает сколько угодно! Но Россию интересует не только прибыль. Фокус в том, что то, что я называю политикой «Газпрома», состоит в установлении политической зависимости государств-клиентов от государства-поставщика. Это ползучий колониализм. А если он применяется к стране, входящей в ЕС и НАТО, то становится помехой для обоих этих союзов. На этом я и основываю надежду, что то расхождение интересов, о котором вы говорили, уменьшится, уступая требованиям государственных соображений всего сообщества. Вопрос только в том, насколько быстро наши союзники поймут, что никакая прибыль не оправдывает заталкивания России на старые тупиковые пути.

Необходимым выводом из концепции «Культуры» я считаю тезис, согласно которому экспансионизм, как царский, так и советский, вредил не столько Польше и Западу, сколько самой России. Я в этой книге утверждаю, что Европа во второй половине XX века пережила тихую революцию, смысл которой до сих пор не поняли только в России. Оказалось, что все государства, отказавшиеся — даже с сожалением — от своих колоний, не проиграли на этом, а выиграли. Они лишились своих Индий и Алжиров и не только испытывают облегчение, но благодаря этому достигли крупных экономических успехов. Так произошло в Англии, Франции, Голландии, Италии, даже в Японии. Пример Германии тут особенно красноречив. И вот немецкая теория «жизненного пространства» нашла себе прибежище среди российских национал-большевиков. Горе, если ею проникнется государственная доктрина в согласии с вышеприведенными словами Белковского. Я стараюсь быть оптимистом, говоря о политике Путина, главным образом потому, что он включил в свое правительство видных реформаторов, ставящих на интенсивное, а не экстенсивное развитие, а оно не требует экспансии — матери агрессии.

— Несмотря на зигзаги своей восточной политики, в которых вы укоряли одно правительство за другим, Польша выполняет приоритетную задачу поддерживать независимость Украины и Литвы (Белоруссия — дело особое). Понимание необходимости существования этих государств как условия мира в нашей части Европы стало в Польше свершившимся фактом. Не возрождаются ли там сегодня имперские амбиции России, принимая формы экономического нажима на эти страны?

— Согласен. Повторяю: это идет во вред самой России. Фридрих фон Хайек утверждал, что есть только два способа поведения: или как в торговле, или как на войне. *Tertium non datur*. Тот, кто применяет сегодня «смешанные» методы, производит взрывчатую смесь.

Что касается нашей поддержки независимых Украины, Литвы и Белоруссии, то у меня есть сомнения. Прежде чем мы станем обращаться к России претензии в алчности, а к ЕС — в отсутствии концепции, посыпем пеплом собственную голову. Как можно укорять Украину в том, что по нефтепроводу Одесса — Броды потечет российское сырье, если в Польше никто и пальцем не шевельнул, чтобы довести этот трубопровод до Гданьска? У нас, а не где-нибудь, «газпромовское» лобби хотело продать «Лукойлу» даже Гданьский нефтепорт, т.е. «горло» нашей системы поставок и экспорта нефти и газа. Даже желая России всего самого лучшего, нельзя наносить ущерб суверенитету собственного государства, не правда ли? Тактику «поддержки независимости» вытеснила теория минимализма, т.е. максимального ограничения всяческой польской активности к востоку от Перемышля. Не было сил и средств для Украины? Нашлись же они на загубленные капиталовложения в Конго. А теперь, когда мы можем рассчитывать на средства и дипломатию ЕС, я читаю в левом «Пшеглэнде» (2004, 27 авг.), что «польские политики оставляют за собой право формировать восточную политику ЕС, и если бы это случилось, война стала бы неизбежной». Автор этого увлекательного тезиса считается идеологом пророссийских кругов в Польше. Что же такое этот тезис, если не попытка шантажа и акт веры в Россию из страшной сказки — захватническую и неспособную на партнерские соглашения.

— Какие силы в России в состоянии избрать направление интенсивного, не имперского развития?

— В России, несомненно, есть круги, заинтересованные в мирном международном сотрудничестве и реформах. Во-первых, многочисленные, но раздробленные круги предпринимателей-производителей. Они ждут реформ и

сотрудничества с Западом. Своими доходами Россия (большая часть растущего — в этом году выросшего более чем на 7% — ВВП) обязана не газу и нефти, а деятельности мелких и средних предприятий. Но дальнейшее развитие требует капиталовложений, а они нуждаются в благоприятном инвестиционном климате. Репрессии против капиталистов, вся эта борьба аристократии (родом из КГБ) с отечественной буржуазией атмосферу не улучшает.

Серьезные надежды порождает участие в работе правительства видных российских экспертов. Однако милость Господня сегодня есть, а завтра ее нету. Тенденция к ренационализации предприятий и вообще явная склонность к авторитарному правлению противоречат деятельности либеральных реформаторов. Всякая власть вмешивается в свободный рынок, выдвигая вперед не тех, кто производит товары лучше и подешевле, а тех, кто тайком откупается от нее. Тем более охотно вмешивается в рынок авторитарная власть.

На реформы рассчитывают также либеральные лидеры регионов, которые хотят использовать свои резервы на местные нужды. Кремль, однако, это учитывает и навязывает регионам надсмотрщиков-назначенцев.

Боюсь, что у вас возникнет впечатление, будто бы все надежды на спокойное развитие России и ее отношений с Польшей я возлагаю на экономические факторы. Я же рассчитываю на силу, которую кое-кто считает обломком прошлого, в то время как она гарант будущего; без нее можно только подражать иностранцам и завидовать, что у них появляются новые идеи. Я говорю об интеллигенции.

Конечно, как группа политического нажима она сегодня почти ничего не значит. Политические партии, которые должны были представлять «четвертое сословье», славную русскую интеллигенцию, раздробились и перессорились. Лучшие люди принуждены к молчанию, многие уехали за границу. Страшно не хватает незабвенной Галины Старовойтовой, Лихачева, Сахарова. Но ничто не изменит основного факта: нужно лишь время (и терпение), чтобы стало ясно, что советский эксперимент, состоящий в исключении интеллигенции из процесса принятия решений, не поддается повторению. Интеллигенцию пытались заменить т.н. узкими специалистами, образцованцами, т.е. поставщиками сырья для решений, принимавшихся правящими дилетантами. Это кончилось отставанием и проигрышем в гонке с Западом — даже в области оборонки. Пока что о значении и будущем интеллигенции свидетельствуют лишь нажим и репрессии,

которым то и дело подвергаются ее представители. И такие шаги продолжаются, о чем свидетельствует ограничение масштабов гласности в СМИ. Однако необходимость сотрудничать с Западом, сравняться с ним в области науки и, наконец, невозможность монополии в сфере информации — все это должно сделать свое дело, если Путин действительно прагматик.

— Вы по-прежнему цените Солженицына, защищаете его достижения в области мысли и его роль в раскрытии миру облика ГУЛАГа — можно сказать, вопреки сегодняшнему восприятию Солженицына в России и Польше. Откуда такая верность?

— То, что он сделал, эпохально: «Архипелаг ГУЛАГ» — главное доказательство расточительства, жестокости и бесцельности коммунизма. Меня не волнуют отклики на его сегодняшние высказывания. Меня не беспокоит односторонность его мнений о 200-летнем сосуществовании евреев с русскими. Солженицын имеет право говорить о внутренних делах России все что хочет, раз он постоянно подчеркивает, что неизменно остается врагом советского коммунизма и советского империализма. Самое важное, что было сказано, в истории интеллектуальных революций нашего века, — это его слова: жить не по лжи — достаточно не принимать участия во лжи, чтобы свергнуть любую тиранию.

— Вы встретились с Россией и в жизни, и через литературу. Перевод почти всей прозы Исаака Бабеля — главное основание, чтобы прославить вас (как пишет Леопольд Унгер в предисловии к вашей книге). Но вам принадлежат и выдающиеся переводы Чехова, Льва Толстого, писателей «другой России» — Булгакова, Солженицына, Ахматовой, Мандельштама, Михаила Геллера. Какие чувства связывали вас с этой литературой?

— Я уже не хочу заниматься переводами. Полжизни я провел, эгоистически знакомя польских читателей со всеми своими русскими любимцами. Только Гедройц заставил меня относиться к тому, чем я занимался в свободные минуты, как к долгу. Мою жену-мученицу я заставил под диктовку выстучать на «Оливетти-22» в течение четырех лет пять с половиной тысяч страниц — не только Солженицына, но и Геллера, и Сахарова, и Шаламова, и других русских мятежников. Она печатала целыми днями, вечером я правил черновик, в то время как Александра три-четыре часа спала. В полночь я будил ее, и до самого рассвета она переписывала черновик начисто. В восемь утра я уже был на римском вокзале, чтобы выслать очередные страницы в Париж с проводником поезда. Кроме нас двоих, только Гедройц и три его сотрудника знали, кто такой

Михал Канёвский. Даже редакция «Свободной Европы» (а «Архипелаг» передавали по радио изо дня в день) получала перевод — ради конспирации — из Парижа.

— *И вот сакраментальный вопрос: какие у вас планы?*

— Как вы знаете, я главный редактор журнала «Новая Польша». Меня уговорил заняться этим Гедройц, и в последний год своей жизни он еще смог увидеть, что происходит по его инициативе. Это дело меня втянуло; журнал выходит уже пять лет, выпущено 60 номеров (в том числе два спецвыпуска: один по-украински и два — по-грузински), распространяется вплоть до Сахалина и есть в любой районной библиотеке всей Российской Федерации. Журнал ведет полемику, представляя аргументы польской стороны в спорных вопросах, в последнее время — в катынском деле или в дискуссии о судьбе советских военнопленных 1920 года. Но самое главное — это орган первого искреннего диалога поляков с теми русскими, которые не хотят и уже не могут считать нас вассалами. Почти на полтысячи наших авторов свыше 130-ти — писатели, публицисты и переводчики из России.

— *И это всё?*

— Ах да, верно — я берусь наконец за собственные писания. Может, еще успею написать две книжечки, которые временно лежат в коробках под письменным столом в виде беспорядочных записок. Тему первой я держу в секрете даже от самого себя, вторая будет сборником рассказов о тех талантливых и умных людях, которых мне удалось встретить, но с которыми не удалось сравняться.

Варшава, 16 июля 2004

14 АВГУСТА 2004

Когда Иосиф переехал в США,
приветственный мессаж он
получил от Чеслава —

прибыть чье теперь за Стикс его
душа,

освоившаяся в том крае, чувствует.

Сиренная их речь, словно из зала в
зал,

из мира в мир эфир переходя, как
посуху,

для нас — лишь эха тембр. А знать
бы, что сказал

Иосиф Чеславу и Чеслав что
Иосифу!

Возможно, и без слов. Подняв
аперитив

на свет и медленно сухим печеньем
хрустя.

Забыв, как говорят, забыв язык,
забыв,

где польская тоска о прожитом, где
русская.

Изящество и ум — на бешенство и
нерв.

Догадка, что тот свет уже чуть-чуть
Америка.

Что всё херня — не так? — Не, всё,
что не пся крев.

Что срока в самый раз судьба
отмерила.

ИЗ (НЕ СОВСЕМ) РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Кончина Чеслава Милоша неожиданно дала мне новых друзей: Борис Дубин, московский литературовед, социолог и переводчик (в частности, с польского), с которым я познакомилась по электронной почте и которому еще до публикации послала свою статью памяти Милоша (см. «Новую Польшу», 2004, №9), спросил, можно ли послать ее Нине Горлановой и Вячеславу Букуру, его друзьям, пермским писателям. Они с большой скорбью пережили смерть поэта, а в свое время (писал мне Дубин), устраивали у себя праздник в его 90 летие. Позже я нашла упоминание об этом вечере в романе Нины Горлановой «Нельзя. Можно. Нельзя»:

«— У нас все можно провести, но В СКЛАДЧИНУ! (И проводили: презентацию книг Власенко и Лины, вечер Флоренского, юбилей Милоша... приезд московских литераторов — с большим удовольствием и часто)...»

Я, конечно, сказала, что статью послать можно, тем более что прозу Горлановой и Букура знаю (когда-то читала их «Роман воспитания» и даже была среди тех «номинаторов», которые выдвинули его на Букеровскую премию, где они дошли до «шорт-листа», а недавно в Интернете прочла их рассказы в «Урале»), и одновременно послать им мой электронный адрес. И вот с тех пор мы переписываемся практически каждый день, да и не по одному разу. (Не говоря уже о том, что теперь я прочла почти всю их прозу — как Горлановой и Букура вместе, так и Горлановой отдельно.) В одном из первых писем Нина сообщала мне, что они отмечали девятый день кончины Милоша и что их друг, поэт Наби Балаев читал посвященные Милошу стихи. И вслед написала:

Тут меня осенило, что я должна Вам прислать стихи о Милоше моего друга Наби Балаева.

Наш Наби, хоть и полностью породнился с русской культурой, пишет слегка ориентально. Нам кажется это нормальным, а Вам, может быть, это будет странным...

В следующем письме, в ответ на мою просьбу прислать стихи:

Наташа, с волнением шлю стихи Наби Балаева: если не понравятся, то на меня не сердитесь Бога ради — он ведь пишет на чужом языке (и нас трогает, что пишет на нем).

Наби Балаев

ПАМЯТИ ЧЕСЛАВА МИЛОША

1.

Чеслав Милош, милый друг,
по Земле прошли слухи,
будто знаешь мертвых круг
и с тобой разговаривают духи.
Словно Дант, внимаешь их столам,
сравнивая портреты,
и спокойно, классическим тоном,
передаешь приветы.
Десятую песнь вспоминая,
в раздумьях узнаешь ты вновь:
мир не изменился, уповая,
проливает свою старую кровь.

2.

Скажи, какие грезы снились намерднi?
Какие слезы проливались во время обедни
и, как фонарь известной печали,
светили всем впотьмах...
Дабы первородный грех обнажить

и слыть стариком, подвязывающим
помидоры,

которому нечего нажать,
кроме своей духовной агоры.

3.

Ты, Чеслав Милош,
дитя той Европы,
из которой — все сплошь —
рождались поэты.

И память, помня смертных,
в сонливом берегу,
обнажает бессмертных,
полюбивших тоску.

В сентябре я послала Нине и Вячеславу переводы из книги
«Хроники» (публикующиеся в этом номере).

Переводы Милоша — очень понравились! Прозрачные, словно
так и были написаны эти стихи — по-русски! Вначале
повеяло японским воздухом («Река текла, ни огня по другую
сторону»), а потом это вдруг ушло, и стал тот Милош,
которого я люблю! Как они вообще себя осознают —
европейцы: «потомок стрельчатых актов, золоченых
скульптур» (а мы про архитектуру старую как можем
вспоминать, если у нас в Перми ее вообще и нет?!)...

И, наконец, последнее письмо — о том, как в Перми отмечали
сороковой день кончины Милоша:

...Вчера позвонил Наби: надо помянуть Чеслава. И они с женой
приехали — с водкой, пельменями, колбасой, сыром, потом,
уходя, еще дали тысячу рублей! Мы долго сидели, Милошу
налили, Наби новые стихи о нем читал.

Слава хорошо говорил, что если б роща сама выбирала, на чью
книгу свою древесину отдать, то плохие писатели бы

подползали с удобрениями, обещали, что быстро вырастят новую рощу, чтоб только она дала им древеси́ны на книгу (бумагу). А вот Милошу бы роща сама дала древеси́ну — махала бы ему ветвями: сюда-сюда, дорогой Чеслав!

Потом, в конце, Наби перечислил всех переводчиков, и мы отдельно выпили за Вас, отдельно за Борю Дубина! А поскольку я остальных плохо знаю, то этим ограничились.

Там такая была формулировка: чтоб переводчики долго жили, были здоровы и чтоб больше перевели (еще лучше звучало, но я записывала кратко, потому что бегала варить пельмени, заваривать чай и пр.)...

ИЗ КНИГИ «ХРОНИКИ»

От переводчика:

Я стараюсь не переводить то, что уже переводилось: русского Милоша, как я уже писала (см. «Новую Польшу», 2004, №9), у нас не так много, чтобы позволять себе роскошь переводить заново. К сожалению, у меня нет антологии В.Британишского и Н.Астафьевой, так что я не могла сверить, что из книги «Хроники» раньше перевел Владимир Британишский. Уже переведя ряд стихов, я нашла на сайте «Журнального зала» небольшую подборку переводов Британишского из Милоша и обнаружила, что одно стихотворение («Родословная») я переперевела, а путем электронной переписки с московским коллегой выяснила, что в антологии есть и стихотворение «Тревога-сон». Но уж раз дело сделано, решила напечатать и эти переводы. В подборке Британишского («Старое литературное обозрение», 2001, №1/277) есть еще одно стихотворение из «Хроник» — «1911 год».

Несколько переводов из сборника «Хроники» читатель может найти в единственном русском избранном Милоша — «Так мало и другие стихотворения» (М., «Вахазар», 1983): «Только это» и «Признание» (пер. М.Осмоловской), «Мария Магдалина и я» (пер. А.Гелескула), «Те голоса, которые мной говорили...» (пер. Г.Ефремова), «За Уралом» (пер. С.Свяцкого). Одно стихотворение из той же книги («Из записной книжки офицера Рудольфа Грёте») в моем переводе напечатано в предыдущем номере «Новой Польши» к годовщине Варшавского восстания.

Книга «Хроники» принадлежит к тем формам или жанрам, о которых я писала в вышеупомянутой статье: стихи нередко выходят за рамки собственно стихов (тут характерен конец стихотворения «За Уралом» — верлибр сменяется драматургической прозой диалога и завершается чисто прозаической концовкой, выдержанной в духе сухого комментария, но притом трагической), перемежаются «стихотворениями в прозе» и «прозой в прозе». То, что остается стихами и написано, как правило, верлибром, нередко тяготеет к польской силлабике, вводя то еле, а то и отчетливо слышную цезуру, становясь почти или вполне белыми стихами (что замечательно получилось у Анатолия Гелескула в переводе

стихотворения «Мария Магдалина и я» и что я как раз попыталась сделать в переводе «Родословной»).

Мне хотелось бы, чтобы читатель этой подборки не только прочел неизвестные ему стихотворения, но и слегка ощутил характерную для Милоша структуру книги. Я же надеюсь продолжить работу над переводом этой книги и, главное, перевести «Шесть лекций о поэзии» — поэтический вариант лекций, прочитанных Чеславом Милошем в Гарварде осенью 1982 года.

НГ

ВРЕМЯ ГОДА

В тишине безграничной моего любимого месяца

Октября (багрянец кленов, бронза дубов, на берегах

Еще там и сям светло-желтый лист)

Праздновал я остановку времени.

Обширное царство мертвых начиналось повсюду:

За поворотом аллеи, за газонами парков,

Но я не обязан был входить — оттуда меня не звали.

Моторные лодки на берегу, тропинки в хвое,

Река текла в темноте, ни огня по другую сторону.

Я собирался на бал духов и чародеев,

Куда является делегация в париках и масках

И танцует неопознанной в хороводе живых.

*

О безграничный, о неисчерпаемый, о несказуемый мир форм. Как же я шел бы к тебе с философией, если ее силлогизмы взаимно опровергались, и я остался столько же умным, как был, прежде чем углубился в ее тома. Как же я шел бы к тебе с нравственностью, если это значило бы, что я вопрошаю о нравственности или безнравственности дерева или камня. Когда-то я воображал, что в старости мы размышляем над тем, что вечно, вознесено над преходящим, но вижу, что всё иначе, что все мое внимание обращено к мимолетному. На упрек, что

я не умею постепенно возноситься к трансцендентности, отвечаю, как классики дзэна: мимолетное и вечное — это, быть может, две стороны одного и того же листа.

О безграничный, о неисчерпаемый, о несказуемый мир форм. Предстояло разодраться завесе, а мне тогда — познать тайну. Но поздно уже, и всё открыто или никогда не откроется. А я стараюсь день за днем избавиться от слов, которые до сих пор употреблял, и назвать то, что теперь я мыслю и чувствую — что ускользает от моих прежних слов. И кажется мне временами, что вся моя жизнь состояла в таком стремлении проникнуть по ту сторону слова, но по той же причине мои книги — всего лишь след движения вперед, или, по мне, всегда недостаточно голы. Новые упражнения в стиле, готовые окончательный вариант, который не наступит.

1985

РАЗГОВОР О СЛАВЕ

— Читали они, учили же о зрелище тщеславия.

И попусту: отнюдь их это не исцелило.

Готовы за грохот хвалы отдавать наслаждение

Кровавым бифштексом, и женским лоном, и даже

Отдачей приказов другим. Отрекаясь,

Лишь бы им остались: имя, венец, память.

— Тебе-то хорошо, ты-то этим сыт,

Лавры засушил, почести собрал,

Доброе, дурное ли скажут — а тебе все равно,

Потому что ты и так торжествуешь.

— Нет, не поэтому. Вечно, что ни день, что ни час,

Со мной недружелюбное и острое сознание.

Не оставляет ночью, истерзывает сны.

То есть я знаю столько, что лучше бы закрыть лицо.

ДОВОД

Тот, кто долго живет, размышляет о временах года,

О том, что их так много, каждый раз других.
Угадать пытается, кем он был в такой-то год и месяц,
Как тогда он видел мир и что понимал.
Особое, невозвратимое каждый раз понимание,
Хотя прибавляется разве что по одной линии, тени.
Отсюда — серьезный довод в пользу бытия Божия,
Ибо только Он способен составить перечень боли,
Смирения, блаженства, ужаса и экстаза.

МОНАРХИ

Монархи выбрали остров тюрьмой Наполеону, поделили страны и установили свой порядок, обещая взаимную вооруженную помощь против заговорщиков и бунтарей. Добывали руду и каменный уголь, строили дороги и мосты, железные дороги соединили столицы. Паровозы, извергавшие пар, пробегая по лесам с ревом и грохотом, были предметом страха и поклонения, так же, как котлы, клапаны, колеса, приводные ремни в машиностроительных цехах. Керосиновая лампа под зеленым стеклянным абажуром начала заменять свечи и лучины, по улице большого города вечером шел человек с длинным металлическим прутом и зажигал газ в фонарях. Неисправимые мечтатели призывали народы восстать против подлой тирании сильных мира сего, предрежащих власть и всяческие богатства. Наступал год, когда сражались на баррикадах, но отголосок сразу утихал, и дальше тянулся век империй на всем континенте от Атлантического до Тихого океана. Каждую зиму тысячи мастерских на чердаках или в подвалах готовили бальные платья, закалываемые перед зеркалом портнихой, которая стояла на коленях с булавками во рту. Поверили в Прогресс и открыли, что человек происходит от обезьяны. Все больше развивались неизвестные предкам гуманные чувства, все выше становилось просвещение, искоренявшее предрассудки и суеверия, в библиотечных залах загорелось электричество, по дну моря укладывали кабель для разговоров между материками, право и независимые суды защищали граждан, земля шла к победе парламентов и всеобщему миру.

ПЕРВОЕ ИСПОЛНЕНИЕ

(1913)

Оркестр настраивал инструменты, чтобы играть
«Весну священную».

Слышите шествие свистулек, грохот барабанов и
меди?

Дионис наступает, из долгого изгнания возвращается
Дионис,

Кончилось царствование Галилеянина.

А Он, все бледнее, бесплотнее, луннее,

Развеивается, оставляя нам темные соборы

С цветною водой витражей и звонком к
Пресуществлению.

Благородный Равви, объявлявший, что будет жить
вечно

и спасет Своих друзей, пробуждая их из праха.

Дионис наступает, сияет оливковым золотом в
развалинах неба.

Крик его, наслажденья земного, разносит эхо во славу
смерти.

РОДОСЛОВНАЯ

Яну
Лебенштайну

У нас наверно много общего друг с другом,

У всех, что вырастали в городах барочных,

Не вопрошая, а какой король построил

Костел соседний и княжны какие жили

Вон в том дворце, как звали скульпторов и зодчих,

Откуда прибыли, чем стали знамениты.

А мы футболили под стройной колоннадой,

Носясь вдоль эркеров и мраморных ступеней.

Потом милее стали нам скамейки в темных парках,

Чем чаща ангелов лепных над головами.

А все ж мы сохранили что-то: страсть к изгибам,

Огнеподобную спираль противоречий

Да женщин ряженье в богатство драпировок,

Чтобы скелет прибавил блеску пляске смерти.

ТРИТОНЫ

(1913-1923)

Узнаю их. Стоят на палубе

Парохода «Correct», вошедшего в устье Енисея.

Этот чернявый, в автомобильной кожаной куртке, —

Лорис-Меликов, дипломат. Этот толстый, Востротин,
—

Владелец золотых приисков и депутат Думы.

Рядом тощий блондин, мой отец. И костлявый
Нансен.

Фотография висит в нашем виленском доме

На Подгорной улице, 5. Рядом с моими

Тритонами в банках. Что может случиться

За десять лет? Начало? Конец? мира.

Мой отец, времен до. Не знаю, зачем он ездил

Летом девятьсот тринадцатого в унылые пустоши

Северного сияния. Какое смещение

Времен. И мест. Я здесь, беспокойный,

Посреди калифорнийской весны: не складывается
целое.

Чего я хочу? Чтоб было. Что? Чего уж нету.

Даже твои тритоны? Даже тритоны.

ТРЕВОГА-СОН

(1918)

Орша — дурная станция. В Орше поезд может
простоять и сутки.

И, может быть, в Орше я, шестилетний, потерялся,
А поезд с репатриантами тронулся, оставляя меня
Навсегда. И я будто понял, что стану кем-то другим,
Другого языка поэтом, с другой судьбою.

Будто угадывал свой конец на берегах Колымы,
Где бело дно моря от человеческих черепов.

И нашла на меня тогда великая тревога,
Та, которой предстояло быть матерью всех моих
тревог.

Трепет малого перед большим. Перед Империей.

Той, что идет и идет на запад, вооруженная луками,
секретами, автоматами,

Подъезжая коляской, лупя кучера по спине,
Или джипом, в папахах, с картотекой занятых краев.

А я убегаю да убегаю, сто, триста лет,
По льду и вплавь, днем и ночью, лишь бы подальше,
Оставляя над родною рекой дырявый панцирь да
сундук королевских грамот,

За Днепр, потом за Неман, за Буг, за Вислу.

Пока не добегаю до города высоких домов и длинных
улиц,

И тревога меня терзает, ибо куда мне, деревенщине,
до них,

Ибо я лишь притворяюсь, что понимаю, о чем они
рассуждают так живо,

И стараюсь утаить от них свой стыд, свое поражение.

Кто меня накормит, когда иду на пасмурном рассвете

С мелочью в кармане, на чашку кофе, не больше?

Беженец из призрачных государств, кому ты будешь
нужен?

Каменные стены, равнодушные стены, ужасающие
стены.

Не моего ума порядок, а ихнего.

Теперь уж соглашайся, не дергайся. Дальше не
убежишь.

1945 ГОД

— Ты, последний польский поэт! — обнимал меня,
пьяный,

Авангардист-коллега, в длинной армейской шинели,

Что пережил войну на востоке и там всё понял.

Не мог обучить его этому ни Гийом Аполлинер,

Ни манифесты кубистов и ярмарка улиц парижских.

Против иллюзий лучше всего — голод, терпенье,
смиренье.

Воображали себе. А шел двадцатый век.

Слова в их прекрасных столицах всё те же с Весны
Народов.

Но не они отгадали, что же будут отныне значить.

В степи, кровоточащие ноги обматывая онучей,

Осознал он пустую гордыню высокопарной мысли.

До горизонта — земля, плоская, неискупленная.

Над всяким народом и племенем становилась серая
тишь.

После звона в барочных церквях. После руки на сабле.

После диспутов о свободной воле и парламентских
соображениях.

Я только моргал глазами, смешной и мятежный,
Один с Иисусе-Марией против нерушимой силы,
Потомок стрельчатых актов, золоченых скульптур и
чудес.

И я знал: говорить я буду речью побежденных,
Что не прочнее реликтов, домашних обычаев,
Елочных игрушек и раз в году забавных коляд.

Переводы Натальи Горбаневской

ВСЕ, ЧТО Я ЧУТОЧКУ ЗНАЮ

Если бы я писал книгу о поэзии Ежи Фицовского, я разделил бы ее на две части. Часть первая — о языке, не столько как об автономном механизме, служащем сочинению словесных текстов, сколько как о живой системе знаков, которые по-новому организуют прошлое и настоящее и посредничают в разговоре прошлого с настоящим. Вторая часть — о времени. Впрочем, пришлось бы сразу заметить, что у Фицовского разделить категории времени и языка весьма непросто. Поэтому и мое деление было бы довольно условным.

Однако исходный пункт — вопросы языка, то есть «мастерства», ибо стих Ежи Фицовского оживляет и расширяет диапазон польской речи настолько, насколько это не удалось в современной поэзии, пожалуй, больше никому. Думаю, что в данной области стратегия Фицовского охватывает целый комплекс опознаваемых действий, в такой концентрации присущих только ему. В его стихе они выступают под именами всякого рода «заклятий», «заговоров», «демиургии», «экзорцизмов», «метаморфоз», «магии». Все они — и те, что больше относятся к языку, и те, где на первый план выступает проблема времени, — объединены тем, предупреждает Фицовский, что относятся к сфере волшебного, а волшебство плохо переносит объяснения (а стало быть — и компанию литературных критиков; надеюсь, последние оценят ту сдержанность, с которой я обращаю на них внимание). (...)

Тишина и молчание. Это по крайней мере столь же неотторжимые компоненты языка Фицовского, как и слова, а иногда даже более красноречивые. Они выстраивают свои молчаливые истории как бы рядом с «повествованием» — или по ту его сторону. Тишина и молчание постоянно сопутствуют речи, порой это «обратная сторона» слов («изнанка» речи), иногда они следуют за речью, как тень. Они столь интенсивны, что пробивают слова насквозь, перерастают словесный язык и вообще — начиная, скажем, с «Письма в картинках» — ведут столь активную жизнь, что становятся, быть может, самой внятной формой речи. Говорить при помощи слов — дело очевидное; о таком говорении и не говорится. Говорится о тишине и говорится тишиной. Существует много видов молчания и тишины, а их форма и суть зависят, разумеется, от того, какой речи они сопутствуют, кто и откуда эту речь ведет.

Молчание, когда оно активнее всего другого, ведет свою собственную жизнь в своих собственных жилищах: «сколько же моего молчания / живет в мертвых предметах». Встречаются целые области «артикулированного молчания», есть «тяжелое молчание рыб» и «упрямая тишина сети». В другом стихотворении — «Я в третьем лице» («Письмо в картинках») — «я» само «молчит моими устами», еще где-то у него есть «собственный язык / на котором оно молчит». Тишина, которая тоже бывает активна, умеет молчать повсякому, иногда «молчит расточительно». Порой она столь всемогуща и труднопереносима, что приходится разрывать ее при помощи «знаков препинания» (то есть «слов»). Бывает и «мерная, неисчислимая тишина», и, быть может, ее представитель — тот «демон тишины», которым одержим субъект стихотворения «Экзорцизмы» (тоже из упомянутого сборника) — одержим словно затем, чтобы противостоять этому демону. Это лишь несколько ранних примеров.

В более поздних книгах молчание и тишина являются с разной частотой, однако их присутствие всегда выразительно. Можно было бы предположить, что язык Фицовского обозначит четкое различие между (иногда чрезмерно активным) действием «молчания» и (порой весьма интенсивным) состоянием «тишины»: часто «тишина» — категория бытия природы, молчание — действие людей. Но грань между ними стерта. Как стерта у Фицовского грань между миром природы и миром людей.

Терпеливый спутник тишины и молчания — слушание и слышание, или даже «предслышание» (так называется стихотворение из книги «Птица вне птицы»), предслышание, которое безошибочно улавливает смысл самой глубокой тишины; «самой глубокой» — также во времени. К «предслышанию» в свою очередь очень близко то, что называется «ослышаться», а это отсылает к возможности «проглядеть», «упустить из виду» (на чем и построено другое стихотворение из той же книги) и наконец — к концепту «обмолвки», объединяющему эту серию «префиксальных» действий.

Так все у Фицовского ветвится и разрастается, встречается и питается одно другим, задевает друг друга звучанием, образом и значением, рифмуется с тишиной. А если у этого языка такие законы, не вполне надежен и статус — назовем его семантическим — тех или иных участников слухо-смыслового взаимопроникновения: предслышания, «ослышания» и умолчания, «убожествления» и обожествления (а может, и

идолопоклонства, кто знает), «бесности» и небесности, того, что проглядели и о чем обмолвились. Все здесь одно другому «уподоблено во взаимосозерцании» (как в посвященном Владиславу Хасёру стихотворении «Смерть единорога»)...

(Из послесловия к книге избранных стихотворений Ежи Фицовского

«Все, чего я не знаю». Сейны, «Пограничье», 1999)

ЕЖИ ФИЦОВСКИЙ

Ежи Фицовский (1924–2006). Сражался в Варшавском восстании, был в немецком плену. После войны изучал философию и социологию в Варшавском университете. Как поэт дебютировал в печати в 1946 году. На рубеже 1940–1950 х годов занялся изучением культуры цыган, кочевал вместе с ними, записывал песни. Открыл для польского читателя цыганскую поэтессу Брониславу Вайс (Папушу). Итог этого опыта — книга «Цыгане на польских дорогах» (1953, 1965, 1986). Другая страсть Фицовского — жизнь и творчество Бруно Шульца, выдающегося прозаика, убитого фашистами в Дрогобыче в 1942 году. Вот уже полвека он разыскивает и публикует тексты Шульца, посвятил ему многократно переиздававшуюся книгу «Регионы великой ереси».

В связи с оппозиционной деятельностью Фицовского (подписание письма против изменений в конституции ПНР, членство в КОРе — Комитете защиты рабочих), его имя в 1976–1980 гг. было под запретом. Тогда он печатался в самиздате и эмигрантских изданиях. Там публиковались и его стихи. Фицовский — автор около двух десятков поэтических книг, в том числе: «Мои стороны света» (1957), «Амулеты и дефиниции» (1960), «Ксива» и «Чтение по пеплу» (1979), «Смерть единорога» (1981), а также многих книг для детей.

В 1999 г. фонд «Пограничье» присвоил Ежи Фицовскому звание «Человек пограничья». Фонд издал большое избранное поэта «Все, чего я не знаю» и сборник сказок «Небылицы Августовских лесов».

П.М.

*

*   *

Публикации "Новой Польши":

Ежи Фицовский, Поэзия, 1/1999

Ежи Фицовский, Стихотворения, 10/2004

Ежи Фицовский, Эхо Лемковщины, 5/2002

Ежи Фицовский, Папуша и ее песня, 1/2005

Ежи Фицовский, Стихотворения, 5/2006

**Ежи Фицовский, Приготовления к путешествию или
Последний путь Бруно Шульца, 4/2007**

О Ежи Фицовском:

Рышард Матушевский, О Фицовском, 1/1999

Петр Зоммер, Все, что я чуточку знаю, 10/2004

Лешек Шаруга, Человек пограничья, 5/2006

Ян Юзеф Липский, О поэзии Ежи Фицовского, 5/2006

Ежи Фицовский

СТИХОТВОРЕНИЯ

Слова слова слова

не было их у меня
ни под рукой ни на кончике языка
я не высосал их из пальца
они такие древние — совсем
себя забыли
слова возвращения
первородные имена
обыденных предметов
заклятья воскрешающие мир
я мусорщик
собираю их собираю
по закоулкам где они затерялись
на огромных свалках
беспамятства

Напр. я

Мое поколение перестреляли
смолоду но изредка
еще встречаются экземпляры

напр. я

Нас можно узнать
по тому как мы запоздало
напрягаем слух

пытаясь услышать залп
который нас уничтожит

Однако

поскольку слух притупился до
казни дело не доходит и мы
безнаказанно

пересекаем границу XXI века

напр. я —

удивляясь

что рядом — никого

Джинн

Я обманутый джинн

заточенный в бутылку

предупреждаю

смотри не разбей

не трогай

не пытайся ни выпить меня

ни откупорить

пока я тихонько просачиваюсь это еще
можно вынести

но если ты

недайбог...

я выстрелю

всем собой

прямо в морду

своим освободителям

Из цикла «Тайные записи»

древесина вскипает

заранее огибая
преграды сучьев
и долго кружит
по излучинам
даже в мертвой доске
в позднем лесу
что-то окликнуло
сникло
умолкло
утонуло
в глубинах
ночи

Перевод Андрея Базилевского

РАЗГОВОР С...

Узнав, что он еще жив, я должен был не суметь в это поверить, но это было второе удивление за день, а первое уже меня психически опустошило. Все началось с объявления в Интернете: Музей новейшей истории предлагал встречи у вас на дому с военными преступниками, разумеется, под конвоем. Осужденные на пожизненное заключение или приговоренные (что я, как мне показалось, вычитал между строк) к смертной казни, они со временем, путем полуофициального помилования, получили право посещать обыкновенных людей: себе в назидание, а тем — как предостережение. Самых знаменитых преступников, которые некогда, как сообщалось в объявлении, значились в коллекции музея, уже, конечно, не было в живых. Впрочем, подумал я сразу, это, возможно, рекламный трюк — что им мешало внести в длинный список Адольфа Гитлера с пометкой, как возле других фамилий: «НЕАКТУАЛЬНО»? Однако доверие ко всему предприятию у меня вызвали прежде всего цены — сногшибательные! Сидя днем перед монитором, я просматривал список: там были какие-то атаманы с Балкан, два морских пехотинца, осужденных за изнасилование во Вьетнаме, и десятка полтора-два столетних гитлеровцев. Они, естественно, заинтересовали меня больше всего. Вдруг я увидел среди них известную фамилию, да и цена меня, пожалуй, устраивала. Да, подумал я с дрожью, на него бы мне хватило. Я чуть-чуть поколебался, а потом лихорадочно, будто тревожась, что любое промедление сделает эту встречу навсегда невозможной, настучал на клавиатуре заказ: «Карл Гюнтер, убийца Бруно Шульца».

И вот передо мной сидит старик, по пояс укрытый клетчатым пледом, только что привезенный в инвалидной коляске стилизованным конвоиром в защитного цвета форме американской военной полиции образца 1945 года. Конвоир сел на складной стульчик за дверью в квартиру, предварительно проверив окна и высоту, отделяющую их от улицы (даже он не выжил бы от такого прыжка, а что уж тот, подумал я); я между тем разглядывал плохо выбритого изверга, сидевшего полуприкрыв глаза, с тонкими губами, в уголке которых постепенно набухал пузырек слюны. Только теперь я задумался, о чем же все-таки хочу с ним поговорить и — впрочем, об этом стоило бы подумать раньше — не оказываю ли я ему незаслуженную честь, принимая его в гостях, пусть даже в

унизительной роли экспоната. Из-за всех этих мыслей я вскочил из-за письменного стола и заходил широкими шагами по комнате, а потом, не спросив его и не угостив сигаретой, закурил. Я хотел этим подчеркнуть, что не считаю его равным себе, что он едва-едва человек и заведомо недостойн уважения; но это опять-таки привело мне на память фильмы о войне, которых я посмотрел в детстве: точно так, как я сейчас, вели себя в них офицеры гестапо, прежде чем принимались криками и истязаниями заставлять свои жертвы сознаваться. В замешательстве я вернулся в кресло. Все это время Гюнтер — если это Гюнтер, пронеслось у меня в голове сомнение, — сидел неподвижно, полуприкрыв глаза, будто принадлежал к миру, в котором его уже нет, который его не касается. Что ж, если так, то в сущности он был прав.

— И что, часто вас возят в гости? — наконец спросил я.

Нет ответа. Старик мог бы сойти за мертвеца, если б не пузырек слюны, тихо лопнувший в уголке рта.

— Вы что-нибудь помните? — задал я еще вопрос, а поскольку он по-прежнему молчал, продолжал: — Вы будете отвечать? Если нет, я вас тут же отошлю и не заплачу ни гроша. А у меня, пожалуй, все-таки поприятней, чем в камере, а?

Гюнтер медленно открыл глаза. Невероятно водянистые, когда-то зеленые, сейчас мутные, едва заметные в провалах глазниц. С минуту взгляд его блуждал где-то над моей головой, потом он посмотрел на меня без выражения, точно так, как если бы перед ним было пустое кресло.

— Вы слышите меня? — спросил я.

Никакой реакции. Я вспомнил цену, которую обязался уплатить после визита, — черт побери! Встал, чтобы позвать конвоира; но, когда проходил мимо гостя, до меня донесся какой-то шелест. Гюнтер что-то бормотал, не знаю кому — мне или самому себе. Я наклонился над ним.

— Что?

— Всё из-за Юргена. Говорил же ему, чтобы всегда смотрел, есть ли в чайнике вода, прежде чем ставить на плиту, а он, каналья, не обращал на меня внимания, и, когда пришли меня навестить, вся комната была в дыму, а как могло хорошо сложиться, я тогда вовсе старался, но у меня никогда ничего толком не выходило, другие продвигались по службе, у них были красивые женщины и прекрасное положение, а мне

всегда доставалась грязная работа, сраная жизнь, никакой справедливости, мне часто снится, что я ночью встаю и иду в уборную, а потом просыпаешься обгаженный или мокрый, и кто за мной уберет, все брезгают стариками, а охранник охотнее всего подавал бы мне суп на палке, говорит, от меня воняет, от него бы тоже воняло, если бы он в таком возрасте остался один, мне уже, знаете, девяносто восемь, это возраст, а? — не каждому удастся столько прожить, но я, когда был молодой, всегда любил свежие овощи; овощи, знаете, и прогулки на свежем воздухе — это гарантия здоровья...

— Я хотел бы поговорить с вами о Шульце, — заорал я ему в ухо.

— Лучше всего натереть морковь и смешать с луком-пореем и сельдереем, и чуточку лимонной кислоты, у меня когда-то была одна такая, что умела это готовить, хорошо управлялась на кухне, и бифштекс никогда не пережаренный, но теперь, уже много лет, это не для меня, если забудусь и съем даже тот суп, что дают, да слишком много, меня потом пучит, а охранник рад бы мне суп подавать на палке...

— Дрогобыч! — рявкнул я. — Вы помните Дрогобыч?

Он замолчал и очень медленно повернул голову в мою сторону. Посмотрел трезвее, впервые на меня, не сквозь меня. Он рассматривал меня внимательно, напряженно, будто хотел прочесть на моем лице, что с ним может случиться.

— Еврей? — спросил он наконец.

Я махнул рукой, подавив искушение ответить. Не ему, не такому, как он.

— Вы помните Дрогобыч?

Он задумался, а потом снова пристально взглянул на меня.

— Еврей?

— Пусть будет еврей. Вы помните Дрогобыч?

Он кивнул.

— Я знал, что так будет. Мне много раз снилось, еще в детстве. Надо верить снам. Только теперь понимаю, но помню этот сон совершенно отчетливо, суций кошмар: сижу в комнате, не могу пошевелиться, и меня допрашивает еврей.

— Да нет, какой там еврей! — вырвалось у меня. Я все больше злился, чувствуя, что вся эта затея была идиотской, что теперь мне придется много часов проветривать квартиру, да и сам я погружаюсь в то, от чего будет трудно отмыться.

— Меня интересует Бруно Шульц. Вы его знали, верно?

— Но глаза у вас какие-то такие... — он продолжал изучать меня. В его взгляде было что-то отвратительное, что-то, заставившее меня тряхнуть его за плечо.

— Вы помните, как было в Дрогобыче?

Он скривился. Вытянул из-под пледа руку, она была бледная и исхудавшая, напоминала куриную лапку за стеклом холодильника в мясном магазине на окраине. Притронулся к плечу, зашипел, закашлялся.

— Не надо меня трясти. Мне девяносто восемь лет, это ведь возраст, а? — не каждому удастся столько прожить, но я, когда был молодой, всегда любил свежие овощи...

Я схватил его за эту мерзкую руку и сжал ее. Мне показалось, что под моими пальцами что-то хрустнуло.

— Ты убил Шульца, мерзавец, и твердишь мне тут об овощах, — заорал я.

— Лучше всего натереть морковь и смешать с луком-пореем и сельдереем, и чуточку лимонной кислоты...

Я ударил его. Да, ударил — ладонью по лицу. От удара каталка отъехала и опрокинула столик с книгами, и, чтобы избежать дальнейших разрушений, я схватил Гюнтера за полу рубашки. Мне не пришло в голову, что он такой легкий и я стащу его с кресла; ткань треснула в руке, я с отвращением выпустил рубашку, и тело с глухим стуком осело на пол; я подумал, что не отмоюсь от этого никогда, и в ярости пнул старика ногой, потом еще раз, но тотчас же поднял его, злой и устыженный, да только почувствовал на руке слюну, тонкой струйкой стекавшую из полуоткрытого рта, и я оттолкнул его в глубь комнаты, лишь бы подальше от меня; он отлетел по инерции, упал на разлетевшиеся по полу книги, а там лежал «Санаторий под клепсидрой», это взбесило меня еще больше, я набросился на него и начал лупить кулаками. Что со мной происходит, я не понимал, отскочил назад, чувствуя подступающую к горлу тошноту, и налетел на юнца в форме Military Police, которого привлек шум в квартире. Я не мог смотреть ему в глаза. Он поддержал меня, я вырвался и отошел к столу. Закурил. Это не

на самом деле происходит, подумал я, глядя в окно. За спиной я услышал какое-то движение.

Охранник стоял над телом и глядел на него равнодушно.

— Всегда одно и то же, — сказал он. — Люди иначе не реагируют. Как вы думаете, какую следует установить доплату, чтобы нам не портили экспонаты? Гляди-ка, вы, поди, его прикончили. — Он перевалил Гюнтера в каталку и не спеша двинулся к выходу.

Я не отвечал. Ждал, чтобы вымыть руки, как можно скорее.

— Во всяком случае, — раздался бас конвоира, — вместе со счетом мы пришлем вам каталог. Приглашаем воспользоваться нашей коллекцией. У вас есть ключ от лифта? Внизу ручка, а здесь на ключ. Лифт старый, входить страшно.

Перевод Софии Раввы

ЕЖИ СОСНОВСКИЙ

Ежи Сосновский дебютировал как прозаик поздно, в 39 лет. В это время он был уже хорошо известен в литературных кругах, хотя о его писательских интересах почти не знали. Раньше, в первой половине 90-х, Сосновский был очень активным и чрезвычайно влиятельным литературным критиком и публицистом (постоянно выступая, в частности, на страницах «Газеты wyborчей»), а также телевизионным журналистом и вообще экспертом, охотно и часто бравшим слово по вопросам искусства, в первую очередь литературы. Одновременно он занимался литературоведением, был ассистентом на факультете польской филологии в Варшавском университете, издал сборник статей о польской литературе конца XIX — начала XX вв. «Хвала чародейки».

Под конец 90-х его публичная деятельность явно притихла. Как будто будущий прозаик хотел, чтобы не столько, может быть, о нем забыли, сколько не продолжали упорно ассоциировать его имя с литературной критикой. После нескольких лет то ли молчания, то ли тихого присутствия он успешно дебютировал как прозаик, притом сразу двумя книгами. В 2001 г. вышли его фантастический роман «Апокриф Аглаи» и сборник ностальгически-мемуарной прозы «Многостенок». Благодаря этим книгам Ежи Сосновский почти в одно мгновение был признан одним из самых интересных прозаиков последних лет, подтверждением чему стала присужденная ему в том же году премия им. Костельских, самая важная литературная награда для польских писателей моложе 40 лет.

Ежи Сосновский обладает безупречным литературным мастерством, свободно пользуется самыми разными способами повествования, умеет — как в «Апокрифе Аглаи» — виртуозно соединить научную фантастику с мелодрамой и триллером. При этом он весьма современный прозаик, то есть хорошо знает потребности современного читателя. Первоочередная потребность — это, конечно, желание получить развлечение, хорошее и притом достойное. Дебютантский роман Сосновского в совершенстве подходит к этой формулировке. С одной стороны, «Апокриф Аглаи» — современный роман нравов типа «love story», а с другой — самая что ни на есть настоящая фантастика со шпионским сюжетом.

Но Сосновский — писатель с амбициями, с величайшим уважением относящийся к литературе как инструменту критического самопознания. Его «Многостенок», сборник рассказов, объединенных общими героями и событиями, — это набросок портрета типичного польского интеллигента, родившегося, как и писатель, в начале 60-х, а духовно созревавшему в «дурные времена» (польские 80-е). Эта книга в принципе посвящена сведению счетов со своим поколением. Главный герой «Многостенка» возвращается к делам прошлого, ибо хочет понять свои сегодняшние позиции и типы выбора. Он размышляет о своих духовных приключениях, о своей религиозности и нравственности, проще говоря, о том, каким он — под влиянием разнообразных импульсов, дружбы и чтения — стал человеком.

В следующем, 2002 г. вышел сборник рассказов Сосновского «Ночная линия». После этого варшавского прозаика стали называть самым поразительным и коварным писателем первых лет нашего века. «Ночная линия» — это новая порция развлекательной прозы, совершенно непохожей на «Многостенок». Этот сборник коротких фантастических рассказов, вдохновленных снами, состоит из веселых, шутливых страшилок, действие которых происходит главным образом в реалиях сегодняшней Варшавы. «Ночная линия» — это изнанка «дневной линии», состоящей исключительно из реалистических фактов. И нет ничего удивительного, что все дела героев оборачиваются тайной, которая тонко и неожиданно обнаруживается среди самых обычных ситуаций и событий.

Как я уже отметил, Ежи Сосновский — писатель с серьезными амбициями, писатель, которому недостаточно, что его книги хвалят за отличное ремесло. Вероятно, из каких-то более высоких устремлений родился большой проблемный роман «Течение в заливе» (2003). Перед нами современный варшавский интеллигент, погруженный в отчаяние после смерти горячо любимой жены. Более того: впавший в глубокую депрессию сорокалетний мужчина чувствует себя в немалой степени виновным в ее смерти. Он, правда, человек не религиозный, зато чрезвычайно духовно развитый. Когда-то он изучал польскую филологию, потом бросил ее и стал кинооператором. От прежних времен у него осталась слабость — склонность к мистицизму эпохи «Молодой Польши». Под влиянием некогда прочитанного и юношеских увлечений главный герой романа принимает давнюю идею спиритов как свою. Вера в метемпсихоз становится его спасательной шлюпкой. Герой не только утешается верой в реинкарнацию,

но и уверен, что новая женщина в его жизни — это та, которую он встретил... сто лет назад.

Бегло пересказанный здесь фрагмент сюжета «Течения в заливе», надеюсь, может намекнуть на размах и внушительность этой книги. Кроме всего прочего, Ежи Сосновский не только обладает неисчерпаемыми возможностями мастерства и неистощимой творческой изобретательностью, но и, похоже, мечтает написать шедевр искусства романа. Воспитанный на большой литературе (не только польской) эпохи модернизма, когда-то объяснявший ее профессионально, он знает, что занятие писательством — игра на самую высокую ставку.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Хоть феминизм уже имеет довольно богатую историю, а все-таки он по-прежнему бывает предметом более или менее изысканных острот. Могло бы показаться, что на фоне бесчисленного множества проблем, перед которыми стоит наша современность, феминизм — явление маргинальное. На самом же деле отнюдь не маргинальное, и внимательный читатель польской культурной периодики не может не обратить внимания на возвращающиеся в разных формах дискуссии о роли женщины в мире, об упадке ее значения в общественной и экономической жизни. Притом дискуссия вокруг феминизма неизбежно затрагивает современный либерализм, его преобразования и ограничения. Вероятно, прав был нобелевский лауреат мексиканец Октавио Пас, когда много лет назад, размышляя о носившем глобальный характер бунте молодежи на рубеже 60–70 х годов XX века, писал: «Новаторство этого бунта носило не интеллектуальный, но моральный характер; молодые не открыли новых идей — они со страстью выговорили те, что унаследовали. В 70 е бунт выдохся и критика умолкла. Исключение составляет феминизм. Однако это движение началось гораздо раньше и будет продолжаться еще несколько десятков лет. Этому процессу предстоит куда более долгая жизнь, хотя в последние годы его влияние несколько ослабло, — тут мы имеем дело с явлением, предназначение которого — длиться и изменять историю».

Нет недостатка в высказываниях о том, что феминизм типичен для обществ, живущих благополучно, уже не имеющих проблем посерьезнее. Пожалуй, да — в таких обществах феминизм располагает возможностью стать не только движением за экономическое равноправие женщин и мужчин, но и интеллектуальным явлением, в котором мысль о положении женщины в обществе представляет собой нечто большее, чем простой рефлекс бунта. Так происходит и в сегодняшней Польше. Поэтому не удивляет растущее число публикаций на эту тему — не только феминистических, но и вступающих с ними в дискуссию, которая не всегда носит полемический характер. Наряду с чисто феминистскими журналами, такими, как «Оська» или «Задра», эту

проблематику все чаще поднимает периодика, обращающаяся к широкой публике, при университетах создаются кафедры, развивающие феминистические теории (эти кафедры часто подвергаются критике, но есть у них и пылкие сторонники). Уже много лет, как феминизм перестал укрываться в своей нише, а от публикаций феминисток больше не отмахнешься; возникает также, и часто интересная, феминистская литература, в которой, пожалуй, самое демонстративное произведение — сборник стихов Изабелы Филипьяк «Мадам Интуиция», своего рода полемика с «Господином Когито» Збигнева Херберта.

В этом контексте интересной выглядит помещенная в последнем номере либерального «Пшеглёнда политычного» (№66, 2004) рецензия Анджея Шахая, озаглавленная «Феминизму — да, извращениям — нет». Рецензия посвящена книге одной из самых видных фигур польского феминизма Магдалены Сьроды «Индивидуализм и его критики». Шахай пишет:

«Первая часть рецензируемой книги (...) представляет необычайно эрудированное странствие по истории европейской мысли от ее древнегреческих истоков (...). Признаюсь, что мне очень нравится рассмотрение этой истории под углом освобождения. Ясно видно, что здесь царит определенный познавательный интерес (...). Он состоит в том, чтобы показать, как, где и когда из важных освободительных процессов, происходивших в европейской культуре, были исключены женщины. Вторая часть работы (...) в свою очередь предлагает любопытный и обширный обзор самых разных вопросов — начиная с различных типов критики индивидуализма, проходя через рассуждения о самосознании и вплоть до анализа различных вопросов справедливости, общинности, а также патриотизма и терпимости. Особое место в этой части книги занимает женский вопрос. Ему посвящена глава под красноречивым заглавием „Отсутствие, исключение и феминистическая надежды”. (...) Надо, однако, подчеркнуть что М.Сьрода не ставила себе задачей показать весь спектр возможных феминистических позиций. В последней части книги, которая выполняет роль подробного авторского комментария („Индивидуализм после либерализма”), к некоторым из них она относится критически».

После этого краткого пересказа содержания книги автор пишет:

«Вопрос феминизма не легок и не прост. (...) Речь идет о том, что в согласии с либеральным подходом публичная сфера, в особенности государство, должна быть слепа к различиям расы,

пола и религиозных убеждений, относясь ко всем гражданам одинаково; в согласии же с феминистским подходом женщины должны в любых обстоятельствах подчеркивать свою инаковость, а иногда даже превосходство. Магдалена Сьрода стремится справиться с этой дилеммой, стараясь указывать возможности расширения публичной сферы за счет предоставления права голоса различным группам. Следует, однако, не забывать, что такой подход не соединить бесконфликтно с либеральной точкой зрения, согласно которой субъект общественной жизни — личность, а не группа. Признавать за собой *обязанность* представлять в публичном пространстве не себя самого, но прежде всего какую-то группу — это наверняка не либерально. (...) И ведет это к ограничению свободы личности, *обрекая* женщину на исполнение в любых обстоятельствах роли эмиссара женских интересов».

Дальше в этой полемической рецензии Шахай пишет:

«Парадигма борьбы и формирования самосознания путем борьбы и в результате борьбы в каком-то смысле определяет феминистскую мысль как освободительную, иногда при этом придавая ей агрессивный характер (...)».

Указывая на опасный радикализм такого подхода, автор рецензии отмечает, что Сьрода уходит от либерализма и одновременно забывает о том, что «общность пола — это общность не столько по выбору, сколько по приписке». И, продолжая, говорит:

«Ценность либерализма состоит как раз в том, что личность, принимая участие в общественной и публичной жизни, *не обязана* тревожиться из-за своего пола, происхождения, расы или сексуальной ориентации, что отнюдь не означает, будто ей это запрещено. И даже если мы сочтем, что либеральный идеал равенства в отношении к людям вне зависимости от их пола до сих пор не осуществлен полностью, мы не должны поворачиваться к нему спиной только из-за того, что он больше обещает, нежели исполняет (...)».

При этом существенную роль здесь играет появляющийся в феминистской мысли постулат перехода или преодоления ограничений существующего с давних времен дискурса — мужского, или, как любят это определять сами заинтересованные лица, патерналистского. Автор рецензии пишет:

«У меня создается впечатление, что феминистская мысль запуталась в дилемме говорящего, что отныне она не хочет ни

аргументировать по-старому, ни принимать участие в прежней языковой игре, и в то же время продолжает аргументировать в старом стиле и играть все в ту же игру, ибо ничего другого попросту не сделаешь. И в случае феминизма, несмотря на шумные обещания и эмфатически звучащие лозунги, мы пока имеем дело со старым философским дискурсом, всего лишь одевающимся в новые одежды, сшитые из чего-то другого, нежели разум».

Это, конечно, для феминизма вопрос основополагающий: госпожа Интуиция против господина Когито. Но если даже и так — возможно ли найти в этих отличающихся способах выражения какие-то территории взаимопонимания? Сьрода пишет, что ей грезится общество, в котором «нормальность будет определяться различиями», — интересными выглядят замечания рецензента на этот счет:

«Хотя мне тоже нравится общество плюралистическое, разнородное и открытое к новизне, однако мне кажется, что следует замечать и другую сторону медали. Идиосинкразия на общество грозит разрывом связей, что может иметь ужасные результаты, прежде всего в сфере политики. Ибо либеральная демократия — это институциональное выражения согласия на несогласие. (...) Пока общественная разнородность этому согласию (...) не угрожает, положение остается под контролем; хуже, если объем и глубина этого согласия подрывают культурный фундамент западных политических институтов. В обществе по-настоящему многокультурном такое состояние, увы, можно себе представить».

Правда, у многих эти «западные политические институты» — что отнюдь не ново — уже не считаются ценностью, зато часто рассматриваются как инструмент подавления. Это стоит осознать не только в связи с дискуссией о феминизме, которая составляет всего лишь один — хоть, может быть, и наиболее увлекательный — сюжет нынешней дискуссии об общественных переменах, о структурах «постсовременного» общества. Но именно поэтому феминизм — и как социальное движение, и в сфере мысли — выглядит особенно интересным и привлекает внимание СМИ. Это мы видим на примере интервью с Агнешкой Графф, автором нашумевшей книги «Мир без женщин», которое взял у нее Павел Смоленский для «Газеты выборчей» (2004, №208). Беседа озаглавлена «Феминистки вынуждены шокировать». А.Графф говорит:

«Принцип демократического общества — это нечто большее, чем терпимость. Это скорее разговор, обмен, творческое сосуществование людей, отличающихся друг от друга. (...) Где-

то на пересечении семейных и расовых вопросов появляется критерий творческого сотрудничества, ибо недостаточно того, что (...) к „иному” ребенку будут относиться терпимо, что его не будут бить за цвет кожи. В плюралистическом обществе люди живут вместе, а не друг рядом с другом. (...) Меня действительно интересует багаж опыта и психология человека, особенно женщины, с консервативными взглядами. Женщины, решительно противостоящей феминизму. Я не предполагаю заранее, что ее взгляды ложны, — я считаю, что ее мир сконструирован не так, как мой. (...) Часто это личности с глубоко обдуманном отношением к жизни, но при этом непрерывность, чувство безопасности, стабильность, семейное тепло — это выражается в таких терминах — они ставят выше свободы. (...) Настоящая трудность состоит не в разнице взглядов, а на том, что все мы живем в весьма консервативном окружении. В обществе, которое заведомо перечеркивает особенность, рассматривая ее как аморальность, извращение и т.п. (...) Феминизм по своей природе — довольно конфронтационный образ мыслей. Шокировать — одна из стратегий феминисток. (...) Если бы мы перестали шокировать, если бы нас приняли вежливо терпеть, это означало бы наше поражение. Ибо цель феминисток — подвергнуть сомнению то, что люди считают очевидным: т.н. естественное распределение ролей. (...) Однако я не хочу смешивать реакцию на феминизм с отношением общества к женщинам, ибо дискриминации подвергаются и женщины консервативные — даже те, которые говорят, что не верят в дискриминацию. Существует весьма глубокое и повсеместное убеждение, что женщина — это такая личность, индивидуальное развитие которой — в обществе, которое очень высоко ценит индивидуальность, — менее ценно (...). Равноправие на рынке труда связано с парадоксом: от женщин требуют быть точно такими, как мужчины. Нас терпят при условии, что сам факт бытия женщиной мы оставим на вешалке. Например, подпишем обязательство не рожать. (...) Современный феминизм уже не постулирует универсальную женщину, не говорит от ее имени. Он всего лишь требует, чтобы с женщинами считались в любом контексте, — а всякий контекст отличается от другого, и все женщины разные. Речь идет о том, чтобы замечать и уважать их голос во всей его разнородной специфике. (...) Современный феминизм избегает слова „патриархат”, ибо патриархатов много. (...) Феминисткам приписывают желание изменить взгляды консерваторов. (...) Между консерватором и либералом в странах, где в законодательстве перевешивает либерализм, царит симметрия. (...) В Польше у власти стоят консерваторы. В дебатах о правах женщин карты сдают они. Отсюда и вытекает наша нетерпеливость, а иногда и агрессивность».

Институт, который особенно сидит в печенках у А.Графф, — это католическая Церковь, представляющая собой, по ее мнению, оплот консерватизма:

«Церковь, консервативные политики и моралисты поучают всех без остановки. И меня, феминистку, и мою консервативную знакомую, и наших друзей-голубых. (...) Вопрос в том, что трудно отделить веру от Церкви как института. (...) Наша большая задача — открыть такое поле дебатов, где стали бы активны люди верующие, но в то же время подвергающие сомнению политический проект, за которым стоит чрезвычайно консервативная польская Церковь. Мы должны учиться отличать веру от иерархии, а также разные типы католицизма. (...) Я надеюсь, что у нас появятся католички-феминистки, которые создадут что-то типа американской организации „Католики за свободный выбор“, выйдут за польский стиль уютной, обрядовой религиозности, в которой богословие предоставлено священникам. (...) В Церкви нет места для диссидентов — во всяком случае не в вопросе сексуальных прав, который для нас принципиален. (...) Проще говоря: мы стоим за право на такую сексуальность, в которой необязательно плодить детей, зато в него входят половое просвещение, противозачаточные средства, право личности принимать решения, с кем ей сожительствовать. А Церковь все это считает грехом и, хуже того, стремится к введению законодательных ограничений».

В польском обществе все это по-прежнему элитарные заботы, о чем говорит и сама Графф, называя польский феминизм «городским, интеллигентским»:

«Польский феминизм находится в переломном моменте, так как ему придется задуматься о своем отношении к политике, религии, женщинам другого круга. Он страдает организационной неразберихой: с одной стороны существуют неформальные группы, с другой — фонды. Парадоксально, но нас все больше, а организации, в которую можно было бы записаться, нет. (...) Мы не любим власть мужчин, но заодно боимся власти как таковой: структур, лидерства, ответственности за группу...»

Признаюсь, что у меня нет охоты все это комментировать. Я хотел бы только обратить внимание на само явление — лишь на вид маргинальное, но интересное не только с социологической точки зрения, ибо (иногда, может быть, в карикатурном преувеличении) в нем проявляется продолжающаяся в Польше дискуссия о форме демократии, о построении структур гражданского общества; и это явление

несомненно, в частности благодаря своей «экзотике», привлекает внимание все более широкой публики. Иначе СМИ феминизмом не интересовались бы.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• «14 августа 2004 года, прожив долгую и плодотворную жизнь, Чеслав Милош навеки переселился к нашим величайшим поэтам, среди которых ему уже давно было уготовано место», — такими словами простилась с поэтом Вислава Шимборская. Коллеги-поэты проводили его стихами. Вечером после похорон многие из них публично читали его произведения в костеле св. Екатерины. Между тем издательство «слово/образ/территории» переиздало книгу Милоша «Где восходит солнце и куда закатывается», впервые опубликованную в 1973 году. Юлия Хартвиг написала о ней так: «Критики (...) в один голос признали эту книгу величайшим произведением поэта. Это произошло не только благодаря почти наркотическому очарованию поэмы, которая изложена со свободой, дополнительно подчеркнутой применением формы (...) позволяющей стихам соседствовать с прозой, выписками из старой энциклопедии, архивными документами и заметками. (...) Перспектива, с которой Милош смотрит в этой поэме на мир, поразительно широка, но никогда не подавляет. Чувственность поэтического образа идет рука об руку с широкой игрой мысли».

• В Польше все более популярны романы-фэнтези. Самый известный их автор Анджей Сапковский («Ведьмак», «Наррентум») пользуется небывалым успехом. По словам критика Конрада Годлевского, Сапковский «повысил в Польше престиж самой фэнтези, т.е. сказочной фантастики (...) Романы-фэнтези польских авторов издаются за границей. Наших писателей переводили, в частности, на чешский, венгерский, немецкий и русский (...) Хотя польская фэнтези развивается в тени Сапковского, дебютантам еще никогда не было так легко. За последние годы вышло несколько десятков книг новоиспеченных авторов». Большой популярностью пользуются, в частности, историко-фантастические романы медиевистки Анны Бжезинской, современные квазивампирические рассказы Анджея Пилипюка («Кузины») или сага Анджея Земянского о приключениях принцессы Ахайи. Между тем на прошедшем в Зеленой-Гуре 19 м Слете любителей фантастики «Полькон» главная польская награда за произведение в жанре фэнтези — премия им. Януша Зайделя

— была присуждена Яцеку Дукаю за книгу «Иные песни». «Вначале, — сказал Дукай о своей книге, — был конспект из одного предложения: „Действие происходит в мире по Аристотелю”. Эта метафора оказалась идеальной для обнажения той психологической, эстетической и нравственной структуры, которая испокон веков связывает нас отношениями господства и подчинения. Ибо я не верю в какое бы то ни было равенство».

- Марек Зелинский, директор Польского института в Москве: «После долгого перерыва, наступившего в 90 х, Польша вновь приняла участие в Московской международной книжной ярмарке (...) СМИ и посетители ярмарки отнеслись к тому, что мы предложили, с большой симпатией (...) Больше всего читателей привлёк авторский вечер Адама Михника (...) На польско-русском „круглом столе” были затронуты неподдающиеся простой оценке вопросы тесной связи и различий между русской и польской литературой».

- В первом полугодии в списках бестселлеров лидировала Катажина Грохоля (целых три книги в первой десятке), а также популярные бытовые романы, конкурировать с которыми могли только книги, создававшие видимость политической сенсации. К последним принадлежит, в частности, роман Марии Нуровской «Мой друг предатель» о ее дружбе с самым известным поляком-шпионом Рышардом Куклинским, а в категории документальной литературы — книга популярного тележурналиста Томаша Лиса «Что происходит с этой Польшей?» и «Алфавит Рокиты» Яна Марии Рокиты, ведущего политика «Гражданской платформы» — партии, которая готовится к формированию будущего правительства. Утешает лишь то, что в этих списках оказались лекции по философии Лешека Колаковского и рассказы Зигмунта Кубяка об истории греков и римлян.

- И еще одна книга, которая вскоре наверняка попадет в список бестселлеров, — «Concerto d'amore» Анны Белецкой. Ян Зелинский пишет о ней так: «Эта книга стилизована под популярный любовный роман, под полную афоризмов, обобщений и „душевных” разговоров историю счастливой любви опытного мужчины и женщины с прошлым (...) И хотя действие происходит в наше время, своей проблематикой и эмоциональностью книга восходит к популярным на рубеже XIX и XX веков романам о встрече родственных душ (...) и таинственном переплетении судеб».

- В издательстве «Искры» вышла книга Рышарда Матушевского «Алфавит. Избранное из памяти 90 летнего старца». На

пятиста с лишним страниц автор, один из старейших польских литературных критиков, вспоминает литераторов, своих друзей и знакомых.

- В 80-ю годовщину со дня смерти Джозефа Конрада в выставочном зале «Нусантара» варшавского Музея Азии и Тихого океана открылась выставка «Конрадовское прикосновение к Востоку». На экспозиции представлены описанные писателем предметы с Малайского архипелага. Дополнением служат навигационные приборы той эпохи, когда Джозеф Конрад плавал по южным морям на британских судах.

- После на шумевшей немецкой выставки документов, свидетельствующих о преступлениях Вермахта во время II Мировой войны, в 65 ю годовщину ее начала в варшавском Королевском замке открылась выставка под названием «С величайшей жестокостью. Преступления Вермахта в Польше. Сентябрь-октябрь 1939». Экспозиция знакомит посетителей с преступлениями Вермахта в Польше в первые два месяца войны. Согласно планам организаторов выставки, впоследствии она должна объехать музеи всей Европы.

- На территории бывшей Гданьской судоверфи создаются новые культурные центры. Последняя открывшаяся там выставка называется «Комната безопасности и гигиены труда. Создание нового центра искусства на территории бывшей Гданьской судоверфи». Дорота Ярецкая пишет об атмосфере этого мероприятия: «Искусство — это территория, неподвластная действительности, подчиняющаяся своим собственным законам. Это территория утопии, фантазии, юмора и абсурда. Но, покинув ее, мы смотрим на общественные реалии уже совсем по-другому». Художественная экспозиция сопровождается видеосеансами и кинопрограммой.

- На открывшейся в варшавском павильоне «Круликарня» выставке «К солнцу» представлены работы Ксаверия Дуниковского — самого выдающегося польского скульптора XX века. Посетители могут также увидеть фотографии Юзефа Кучинского, на которых запечатлен сам мастер и некоторые его несохранившиеся творения. «Разумеется, была выставлена и гениальная работа „Автопортрет. Иду к солнцу“, — пишет Моника Малковская. — Скульптура была создана в 1917 году. Она излучает мощь и энергию (...) Обнаженный герой несет на своих плечах тяжелый груз (...) Он напоминает двуликое языческое божество: одно лицо обращено к земле, другое — к небу. Это образ человека, который сознаёт свои возможности и знает, к чему стремится».

- В той же «Круликарне» прошла выставка «Трансформации. Анджей Врублевский, 1956–1957», на которой было представлено творчество последних лет жизни художника. Живописец Ярослав Модзелевский писал о Врублевском: «Он знал и видел, что мы, живущие в городах, влюбляющиеся, рожающие детей, в конце концов останемся одни, в тишине и печали. Некоторых это вообще не интересует, другим же не дает покоя».

- Кшиштоф Занусси приступил к съемкам фильма «Персона нон грата». Съемки ведутся в Москве, а одну из ролей играет Никита Михалков. Фильм будет рассказывать о польском дипломате, ответственном за подписание контракта на продажу военной техники, за который борются, в частности, россияне.

- На польские экраны вышла остросюжетная комедия «Винчи», снятая мастером этого жанра Юлиушем Махульским. Зрители ожидали ее появления с большим интересом. Фильм повествует о краже самой знаменитой и ценной картины, хранящейся в польских собраниях, — «Дамы с горностаем» Леонардо да Винчи. Захватывающее действие, великолепные диалоги и отлично подобранные, в основном молодые актеры — вот несомненные достоинства этого фильма.

- Павел Т. Фелис о X Кинофестивале в Казимеже-Дольном: «Первое впечатление таково: фестиваль достиг переломного момента. Десять лет назад все начиналось скромно и с энтузиазмом (...) Сегодня от камерности остались одни воспоминания (...) Место киноэнтузиастов заняли толпы людей, сидящих на газонах и пьющих пиво. Было бы наивно упрекать фестиваль в массовости — ведь многие подобные мероприятия очень завидуют массовости Казимежа. Однако нынешняя расплывчатая формула „Кинолета” должна измениться». Между тем Казимеж притягивает толпы зрителей на фильмы, на которые в любом другом месте публика бы просто не пошла. В отличие от других фестивалей такого рода, он делает ставку прежде всего на польские фильмы. Лучшим польским художественным фильмом зрители признали «Лавочку» Мацея Жака, снятую по пьесе Михала Гельмана, лучшим заграничным фильмом — «Приятеля» Мортена Тилдума, лучшим документальным фильмом — «Фаренгейт 9/11» Майкла Мура, а лучшим телеспектаклем — «Гамлета» Лукаша Барчика. Критикам больше всего понравился фильм Пшемислава Войцешека «Вниз по разноцветному холму». Сам режиссер говорит, что его фильм — это «субъективный взгляд на Польшу моих

ровесников, на их стремления, мечты, проблемы (...) Я хотел показать людей, которые отстаивают свои интересы, не заботясь о том, фотогенично это или нет. Поэтому мне кажется, что „Вниз по разноцветному холму” — это фильм для тех, кто ищет в кино чего-то большего, чем утешение».

- В этом году XII Международный фестиваль «Искусство улицы», прошедший во многих городах Польши, вновь привлек толпы зрителей. Фестиваль неизменно вызывает огромный интерес. Рецензентка газеты «Жечпосполита» написала о нем: «Хотя многие все еще отождествляют уличный театр с цирковыми фокусами и развлечениями для масс, он уже на протяжении многих лет с успехом затрагивает трудные темы и смело критикует действительность».

- Переделать «Ромео и Джульетту» в мюзикл решили Януш Юзефович (автор либретто) и композитор Януш Стоклоса. Авторы использовали шекспировские мотивы, но отказались от оригинальных диалогов и изменили еще многое другое. «Причиной трагедии будут не клановые распри, а внутрисемейные проблемы, — говорит Юзефович. — Юношеская бескомпромиссная любовь столкнется с беспощадностью мира взрослых, поглощенных своими делами». Что же останется от Шекспира? «Несомненно, история великой любви», — отвечают авторы. После премьеры в варшавском «Торваре» спектакль отправится на гастроли по Польше.

- В этом году Фестиваль диалога четырех культур, который прошел в Лодзи уже в третий раз, был организован с большим размахом. Фестиваль придумал Витольд Кныхальский, председатель общества диалога четырех культур «Лодзь — земля будущего». «Этот город, — говорит Кныхальский, — создали четыре нации: поляки, немцы, русские и евреи. Поэтому Лодзь идеально подходит для представления культур этих народов». «Лодзинский фестиваль — один из самых интересных проектов международного масштаба, которые появились в Польше за последние несколько лет, — говорит художественный директор фестиваля Михал Мерчинский. — Этот прекрасный город, обладающий большой энергией, гложут различные общественные проблемы. Наш фестиваль — одна из попыток (...) вернуть Лодзи былой блеск». В лодзинских встречах приняли участие многие замечательные артисты. Фестиваль открылся спектаклем «Невидимые», поставленным Ежи Калиной и посвященном памяти лодзинских евреев. Специальным гостем музыкально-пиротехнического зрелища на Старом Рынке стал знаменитый кантор нью-йоркской

синагоги Джозеф Маловани. Ханна Шигулла, игравшая в фильмах Фасбиндера, Шлёндорфа и Вендерса, привезла с собой спектакль «Протоколы снов». На концертах выступили известные польские певцы, а в рамках кинопрограммы были представлены, в частности, фильмы Войцеха Хаса, Андрея Тарковского, Фолькера Шлёндорфа и Романа Полянского.

- Ностальгическим воспоминанием о былом великолепии и напоминанием о нынешней бедности назвали журналисты прощание Международного фестиваля песни в Сопоте с государственным телевидением. Уже известно, что на протяжении следующих пяти лет фестиваль будет проводить коммерческое телевидение ТВН. «Сопот всегда был праздником — порой великих музыкальных амбиций, порой дешевки, а порой и китча, — написал Роберт Санковский. — В этом году его бюджет был урезан на треть. На телевидении ему пришлось бороться за зрителя с трансляциями олимпийских игр. Из-за всего этого прощание фестиваля с государственным телевидением прошло скромно, без фанфар и фейерверков». Яцек Тесляк на страницах газеты «Жечпосполита» представил катастрофический образ фестиваля, которым будет управлять коммерческое телевидение, а лауреата первой премии будут выбирать телезрители, высылая SMS. Однако пока что главной звездой фестиваля стал Кшиштоф Кравчик, отмечавший в Лесной опере 40 летие своей сценической деятельности. У него «есть голос, он умеет спеть все, что угодно, а при соответствующем руководстве делает это стильно и классно. Он должен только почувствовать подходящий момент и встретить подходящих людей, — написал рецензент «Газеты выборчей». — Из его интервью ясно видно, что в отличие от нескольких других идолов нашей поп-музыки он умеет относиться к себе со здоровой иронией». Сам Кравчик иногда говорит, что занимается «оказанием услуг населению».

- В отличие от прошлых лет в нынешнем году самая серьезная польская литературная премия «Нике» досталась автору настоящего романа. Ее удостоился Войцех Кучок за книгу «Говно». Кучок — самый молодой лауреат в истории «Нике». Ему 32 года, родом он из Хожува. «Автора отличает редкий талант рассказчика, благодаря которому он может захватывающе описать даже самые простые и жестокие события», — сказал Франсуа Россе, обосновывая решение жюри. Книга носит подзаголовок «антибиография». Сам Войцех Кучок говорит об этом: «Антибиография» — это отрицание биографии (...) или негативная биография: семейный альбом с непроявленными снимками, рассказ, сотканный из событий, которые герой не хочет или не может помнить, поскольку их не

было. Или кошмарная биография, которой мы не пожелали бы даже своим худшим врагам». Роман получил также присуждаемую одновременно читательскую премию. Между тем Кучок уже опубликовал следующую книгу — сборник рассказов «Горизонтомираж» [в оригинале книга называется «Widmokrag», что представляет собой игру слов: widnokrag — горизонт, widmo — призрак, мираж], о котором Кшиштоф Маслонь написал: «Книга написана лихо, превосходным языком и свидетельствует о молниеносном литературном развитии Кучока. Это уже совершенно зрелый, сформировавшийся писатель». Даже трудно поверить, что еще не так давно сам автор называл себя прежде всего любителем гор и страстным спелеологом и только потом писателем.

- Жюри под председательством Яцека Возняковского присудило премию Костельских Томашу Ружицкому за поэму «Двенадцать остановок». «Недавно вышедшая книга 34-летнего поэта из Ополя произвела фурор, — пишет критик «Газеты выборчей». — В эпическом повествовании о внуке, навещающем членов многочисленной силезской семьи родом с восточных «кресов», рецензенты усмотрели парафразу «Пана Тадеуша». Томаш Ружицкий — поэт, переводчик и романист, преподающий французскую литературу в Опольском университете.